

[Polaris]

М. НОВОРУССКИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЬЧИКА МЕНЬШЕ ПАЛЬЧИКА

Приключения в микромире
Том VIII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLXXIX

Salamandra P.V.V.

М. Новорусский

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
МАЛЬЧИКА
МЕНЬШЕ
ПАЛЬЧИКА**

Приключения
в микромире

Том VIII

Salamandra P.V.V.

Новорусский М. В.

Приключения мальчика меньше пальчика (Приключения в микромире. Том VIII). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 75 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXXIX).

Гигантские пауки и крошечные люди, кровопролитные битвы муравьев, отчаянные сражения микробов, путешествия внутри человеческого тела и невообразимые вселенные, заключенные в атомах – проникновение в микромир издавна было заветной мечтой фантастов.

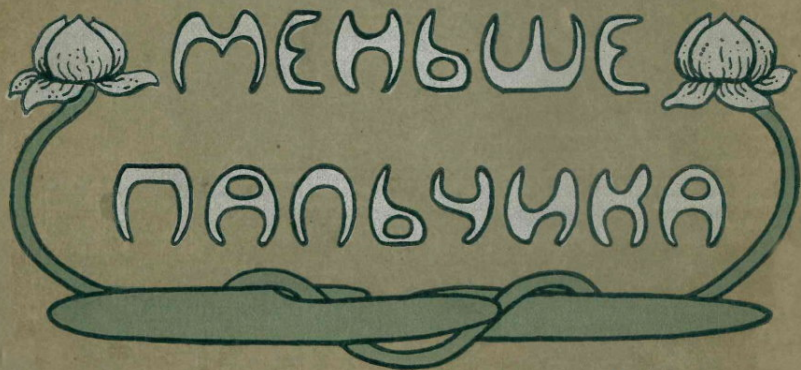
Книга революционера-террориста, писателя и просветителя М. Новорусского (1861-1925) «Приключения мальчика меньше пальчика» продолжает в серии «Polaris» публикацию забытых и редких произведений, объединенных общей темой «приключений в микромире».

М. НОВОРУССКІЙ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

МАЛЫШКА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО "ЖИЗНЬ И ЗНАНИЕ"

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЬЧИКА МЕНЬШЕ ПАЛЬЧИКА

Из жизни насекомых

МОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ И ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Это было летом. Мне было тогда девять лет.

Мы жили в деревне. Я собирал разных насекомых, читал рассказы про них и наблюдал, как они живут.

Я часто думал: как жаль, что я — такой большой великан, а насекомые — такие маленькие-премаленькие букашки. Я могу хорошо видеть, как устроена кошка и как устроена собака; могу видеть, какие у них глаза, уши, ноги и зубы, как они едят, бегают, лежат, или играют. А как все это устроено у насекомых, мне никак не разглядеть. Ведь я — такой большой-пребольшой! Ну, как могу я с таким огромным телом подойти к ним близко, войти в их жизнь и рассматривать их жилища? Они мне совсем не пара. И мне, такому большому, никак невозможно глядеть на них запросто, как на всяких других животных.

Долго и не раз я думал об этом. И однажды заснул среди этих мыслей. А спал я всегда крепко и часто видел большие, хорошие сны.

Проснулся я рано-рано и тотчас увидал, что со мной случилось что-то неладное. Я чувствовал себя бодрым, здоровым и сильным, — таким же, как всегда. Но все кругом меня совершенно переменилось.

Моя кровать стояла на том же самом месте. Одеяло было — то же самое, стены комнаты — те же. Но и кровать, и стол, и стены, и все мои вещи стали огромные-преогромные. Такие огромные, что мне и глазом не объять их.

Я видел ясно, что я лежу посредине широкой, как чистое поле, подушки, а дальше внизу идет большая, холмистая равнина: это моя кровать. Смотрю я на все это, думаю и понять не могу, что же такое со мной делается?

Как вдруг рядом со мной на подушке я увидал громадную голову черного чудовища, какого я никогда не види-

вал на картинках. Оно шевелило длиннейшими усами и медленно приближалось ко мне.

В ужасе я весь затрепетал и закричал. Но голос мой, прежде громкий и звучный, теперь потерялся в огромной и пустой комнате. Он был слаб и тих, а потому никто не мог расслышать моего крика. Не слышало меня и черное чудовище. Оно остановилось в нескольких шагах, смотрело на меня неподвижными, как огромные тарелки, глазами и одним усиком слегка касалось меня.

Усик был мягкий и нежный, и мне показалось, что чудовище хочет погладить меня. Это меня немножко успокоило. И когда оно второй раз коснулось меня усиком, я осмелился и схватил рукой за самый кончик его. Чудовище страшно испугалось и готово было пуститься в бегство.

Тут я увидел, что неподалеку от меня на подушке лежали крошки печенья, и вспомнил, что вчера перед самым сном я ел его, лежа в кровати. Только крошки эти теперь показались мне не мелкими крупинками, а огромными, угловатыми кусками.

«Уж не пришло ли это чудовище на запах крошек — полакомиться ими?» — подумал я.

И чтобы испытать это и не пугать животное, я отошел от них подальше.

Прежде на подушке могла умещаться только одна моя голова, а теперь я весь целиком располагался посредине ее и мог бегать по ней спокойно, как по полу: и когда я ходил по ней взад и вперед, она не гнулась и не мялась подо мной.

Чудовище спокойно подошло к крошкам, схватило одну из них своей ужасной пастью и начало жевать. О, что это была за пасть! Ни зубов, ни языка, ничего такого, что есть у других, у него не было. А были какие-то странные привески, мохнатые и коленчатые. Они болтались и двигались во все стороны: не то вторые усы, не то щупальца! И жевало чудовище не сверху вниз, как это делаем мы и все животные, а сбоку вбок, — точь-в-точь, как действуют ножницы, когда ими подстригают траву.

Чудовище было занято едой, а я ходил кругом него и рассматривал его со всех сторон. Заглянул даже под брю-

хо. Потом осмотрел длинные волосатые усы и длинные же шиповатые ноги. На лапах его были огромные крючья, как у багра, а на ногах — настоящая длинная и жесткая щетина. Само оно было гладкое, глянцевитое и маслянистое. Крылья покрывали половину спины и лежали, прижавшись к ней.

Пока оно пожирало мои крошки, я хорошо ознакомился с ним и перестал бояться его. Я сообразил, что если оно ест хлебные крошки, то не станет есть меня. От этой мысли у меня прибавилось храбрости и я стал придумывать, как бы мне овладеть этим странным, но смиренным зверем. На конце его брюшка торчали каких-то два толстых отростка, словно рога, и за один из этих рогов я крепко ухватился обеими руками.

Мой зверь вздрогнул, выпрямился и пустился бежать со всех ног. А ног-то у него было шесть штук. Но я крепко держался сзади, и потому вместе с ним кубарем скатился по одеялу на пол. Перевернувшись несколько раз, он опять вскочил на ноги и побежал к двери, которая вела в кухню. На минуту он вырвался от меня. Но я снова успел схватиться за отросток сзади и снова побежал вместе с ним.

Дверь в кухню была заперта. Но не успел я подумать об этом, как мы очутились уже в кухне: очевидно, чудовище вместе со мной пробежало под дверью.

В кухне мой зверь скоро добрался до какой-то щели и остановился. Я помню эту щель. Она была узкая, но страшное чудовище влезло в нее почти целиком и только кончик брюшка торчал немного наружу. Я выпустил из рук отросток и, оглядевшись, увидал, как из заднего конца брюшка выпал небольшой мешок. Но не успел я взять его в руки и рассмотреть, как из него стали выползать маленькие зверьки, очень похожие на мое чудовище. (Рис. 1).

— Ба! да ведь это настоящие черные тараканы, — сказал я себе, как только увидал маленьких.

Несомненно, мое чудовище был самый обыкновенный черный таракан. Несомненно, и величина его была обыкновенная, как всегда. И тут только я понял, что со мной случилось какое-то удивительное превращение и что после

такого превращения я стал вдвое меньше обыкновенного таракана. Был человеком, а стал словно букашка.

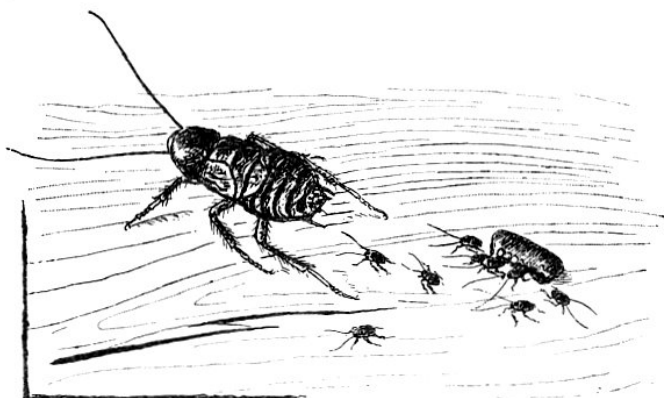

Рис. 1. Черные тараканы.

Сначала мне было очень грустно узнать такую новость. Но я скоро успокоился. Я понял, что теперь, при своем росте я отлично сумею войти в жизнь насекомых и познакомиться с ними во всех подробностях их жизни.

II

Я ВЫЕЗЖАЮ ПО ВОЗДУХУ И ПОПАДАЮ ПОД ЗЕМЛЮ

Стал я соображать, как мне теперь быть и медленно передвигался на своих маленьких ножках вдоль печки по полу. Вдруг я вижу, что тут же у печки лежит и пошевеливается какой-то большой, мохнатый шар с широкими черными и желтыми полосами.

Подойдя ближе, я увидел, что это вовсе не шар, а новое чудовище, которое совершенно не походило на первое. Правда, у него было тоже шесть ног, была голова, усы, заметны были грудь и брюшко. Но все это было устроено совершенно иначе.

Теперь я совсем уже не боялся. Я догадался тотчас же, что это — новое насекомое. Но я не мог узнать, какое именно насекомое, потому что казалось оно мне чрезвычайно огромным. Крылья у него были прозрачные, как стекло, нежные, словно пленочки, с тонкими и редкими волосками по краям. Оно изредка взмахивало ими. При этом крылья отливали всеми цветами радуги. Голова его была украшена странными изогнутыми усами, которые торчали вверх на самом лбу. Тут же помещались огромные глаза — совсем не такие, как у нас и у четвероногих животных. Они блестели, и на них заметно было много ячеек, вроде того, как у пчелиного сота. В каждой ячейке слабо отражались и я сам, и разные окружавшие нас предметы.

У рта его помещались какие-то два щупальца. Но интереснее всего был его язык — длинный, гибкий и тонкий, как волос, покрытый нежным пушком. И чудовище то высовывало этот язык во всю длину, то опять прятало. Казалось, что оно облизывало его.

А все толстое круглое тело его было сплошь покрыто густыми длинными волосами. Даже ноги были волосатые

и только на концах их торчали редкие шипы.

Рассмотревши его внимательно, я забрался на большое полено, которое лежало тут же, и взглянул оттуда на своего зверя издали.

— Ага! Вот так зверь, — подумал я. — Это просто-напросто шмель. Самый настоящий шмель! Вероятно, он залетел в кухню на запах варенья, не нашел выхода и заночевал здесь. А когда ночью ему стало прохладно, он забрался поближе к печке.

Я спустился с полена и опять доверчиво приблизился к шмелю. Я знал, что он жалит, но подошел к нему вплотную. Зачем он станет кусать меня, такого маленького? Ведь я ничем не могу испугать либо рассердить его. Его шерсть была такая мягкая да пушистая! Так и хотелось прижаться к нему потеснее. А прижавшись, я ухватился за шерсть и вспрыгнул шмелю на спину, где и лег, точно на постели.

Шмелю это совсем не понравилось. Он заметался, запрыгал, замахал своими четырьмя крыльями и полетел.

Лететь со мной ему было очень тяжело и потому он поднимался с пола медленно и с большим трудом. Лететь же мне, лежа на спине шмеля, было чрезвычайно приятно. Я лежал, запутавшись в его шерсти, точно на возу сена. А шмель летел так тихо и так плавно, что я сначала совсем не заметил этого. Только тогда, когда я увидел, что мы высоко поднялись от пола, мне стало страшно: а вдруг я оборвусь и упаду!

Но летели мы не больше одной минуты. Шмель направлялся на свет к окну. И, поднявшись на подоконник, тотчас же сел на нем отдыхать. Я же все лежал у него на спине и ждал, что будет дальше.

Ожидать пришлось недолго. Шмель почувствовал свежий воздух, так как окно было закрыто неплотно, пошел к раме, пролез в оставшуюся щель и взвился на воздух.

Это был момент, которого я не забуду всю жизнь. (Рис. 2). Было жутко. Дух захватывало. А сердце ныло так сладко и так приятно. Шутка ли сказать: я лечу по воздуху!

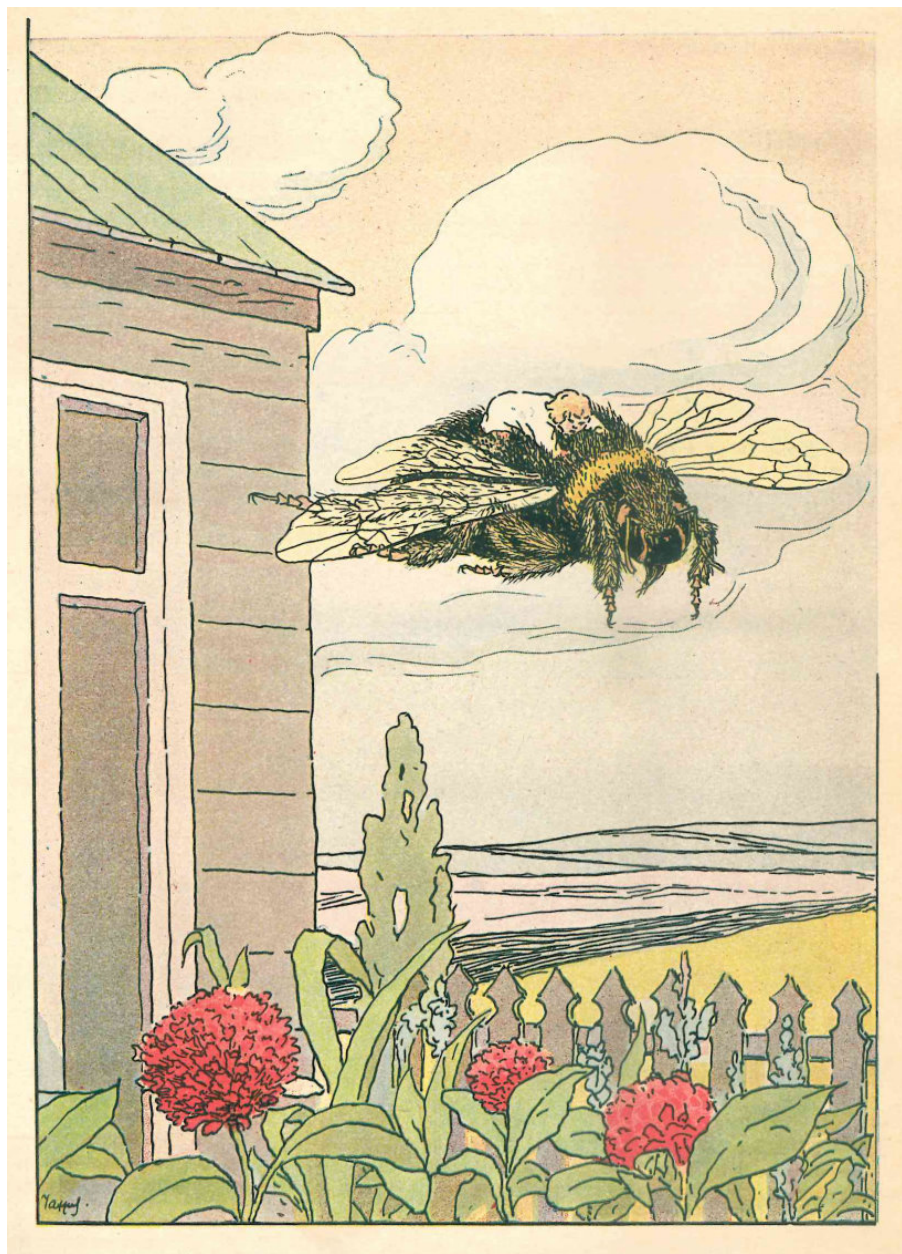

Рис. 2. Это был момент, которого я не забуду во всю жизнь!

Но это был один только момент. Подняться высоко шмелю не удалось вместе со мной. Ему было тяжело и потому его тянуло книзу. Под окном у нас был разбит цветник и шмель опустился на первый попавшийся лист георгины.

Осмотревшись с него, он увидел поблизости головку красного клевера в полном цвету, перелетел на нее и стал жадно сосать сладкий сок из трубочек его цветов. Видимо, за ночь он сильно проголодался.

Я знал хорошо этот сладкий сок. Мы часто лакомились им, — обрывали цветки и высасывали сок из них. Шмель, оказывается, делал тоже самое, но делал это иначе. Его длинный и тонкий язык действовал как трубочка или соломинка. Он запускал его на самое дно цветка и высасывал оттуда весь сок насухо. Затем его длинный язык быстро погружался в новый цветок и так же быстро опустошал его.

Чтобы лучше рассмотреть, как это он делает, я слез с него и уселся на головке клевера. Это удалось мне не сразу. Мои ноги провалились в трубчатые цветы, точно в штанишки, и я остался в таком положении, не то стоя, не то сидя. Но когда я вытаскивал из цветка ногу, она была совершенно суха. Очевидно, она не касалась меда, который был скрыт на дне гораздо глубже. Его мог доставать только один шмель своим длинным хоботом.

Мало-помалу, шмель стал более вялым. Он не так быстро действовал своим языком и не так жадно сосал лакомый сок. Должно быть, он хорошо насосался.

Я боялся, что он улетит без меня. Тогда бы мне не удалось проследить за ним далее. А потому я поспешил опять залезть к нему на спину. Конечно, это потревожило его и он взмахнул крыльями и опять поднялся на воздух.

С трудом перелетая с ветки на ветку, он скоро опустился на землю возле забора, прошел несколько шагов пешком и на минуту остановился у какой-то дыры, а потом смело полез в нее.

Я очень тесно прижался к его спине, но, увы, не мог пролезть вместе с ним, потому что отверстие сделано было для одного шмеля, а для нас двоих оно было тесно. Я спрыгнул на землю, а шмель сейчас же нырнул в дыру и скрылся из

моих глаз.

Некоторое время я колебался: отправиться мне туда же под землю, или нет? Но потом подумал: «не съедят же меня там шмели», — и погрузился в ту же дыру.

Да, надо сознаться: жутко мне было на первых порах! Кругом темно, не видно ни зги, сыро и тихо, как в могиле. Сначала я почувствовал, что ноги мои нащупали что-то твердое. Затем я почувствовал, что пахнет медом, и запах этот какой-то особый, пряный, не то сладкий, не то цветочный, смешанный из разных ароматов.

Наконец, я постепенно огляделся и стал различать окружающую обстановку. Отверстие, в которое мы влезли, пропускало достаточно света. Да кроме того, свет проникал кое-где в щели потолка, сделанного из травы и листьев. Оглядевшись, я скоро понял, что очутился в шмелином гнезде. Даже мне самому не верилось: в настоящем шмелином гнезде! (Рис. 3).

Внутри большой ямы, около пяти дюймов шириной, лежал бесформенный клубок. Он весь состоял из больших бочковидных ячеек. Все они примыкали плотно друг к другу и сливались в один большой ком неправильной формы. Ближайший ко мне шмель расположился возле одной из открытых ячеек и что-то делал над ней. Должно быть, это был тот самый, на котором я приехал сюда.

Я присмотрелся внимательнее и понял все. Он отрыгал изо рта тот сладкий сок, которого только что насосался на клевере, и отрыгал его прямо в ячейку. Точь-в-точь, будто он густой сироп складывает в банку, но действует при этом не ложечкой, а прямо ртом! Я вспомнил, что читывал это о пчелах. Но мне и во сне не снилось, что когда-нибудь удастся видеть наглядно собственными глазами, как это делается. Отрыгает, словно жвачку, и получается мед! Нельзя сказать, чтоб это было изящно и очень красиво. Но я говорю только сущую правду, а правду всегда нужно знать и глядеть ей прямо в глаза.

Признаюсь, когда я насмотрелся на эту шмелиную работу, мне совсем не хотелось попробовать меда.

Тут в гнезде было еще несколько шмелей. Одни также отрыгали свой сок из желудка в ячейку, другие надстраивали неоконченные ячейки, а третьи возились возле пустых ячеек, из которых торчало что-то белое.

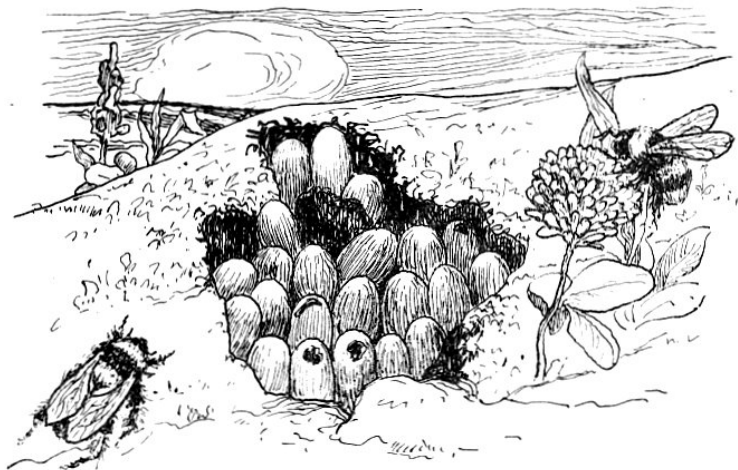

Рис. 3. Шмелиное гнездо.

— Ага, — смекнул я, — да ведь это их личинки! Лежат они недвижимо в своих ячейках, а трудолюбивые матери откармливают их медом да цветочной пылью, которую они нарочно носят сюда на прокорм детвы.

Долго я любовался на эту трудолюбивую семью. Одни шмели уходили через отверстие вон. Другие приходили оттуда же на их место. Пряный запах немножко кружил мне голову. Было приторно, тепло и сладко. Хотелось еще посидеть в этом необычайном убежище. Но в то же время опять тянуло на волю и на солнечный простор. И было жутко при одной мысли: а вдруг я останусь здесь под землей на веки вечные! В этом теплом и ароматном, но подземном шмелином мире.

Наконец, я вылез, подобно шмелю, через то же самое отверстие на вольный воздух и с большим удовольствием, полной грудью вдохнул его в себя. От солнца я долго щурился, так как глаза, привыкшие к темноте, долго не могли опять привыкнуть к свету: им было больно и резко. Наконец, я огляделся вполне и стал соображать, кого бы из насекомых пригласить мне теперь в товарищи для прогулки по цветущему луту.

III

ВЕРХОМ НА ЧУДОВИЩЕ И КУВЫРКОМ ЧЕРЕЗ КАНАВУ

Стоял я у самого забора. В одну из щелей его я незаметно вылез наружу и очутился на лугу. Здесь я скоро заблудился бы среди цветущей зелени, которая для меня была огромным густым лесом. Я ведь был маленький, словно козлявка, и в густой траве терялся, как в дремучем лесу.

Но не прошел я и сотни шагов, как увидел зверя еще более ужасного, чем те, которых я недавно видел. Он был весь зеленый, так что на зелени листа был едва-едва заметен. Наполовину прозрачные, длинные крылья его тоже были зелеными. Все тело его было вытянутое, сжатое с боков в таком же роде, как у рыбы. Впереди торчали усы, тонкие, как волос, и животное постоянно ощупывало ими дальние предметы. А ноги... Ах, что это были за ноги! Я видал зайцев, которые скачут, потому что у них задние ноги длиннее передних. Видал на картинках и кенгуру с еще более длинными задними ногами. У журавля и цапли ноги тоже нельзя назвать короткими. Но это все не то.

Ноги у этого зверя торчали вверх, словно косые балки, которые поддерживают железнодорожный мост, или стропила, на которых плотники настилают крышу дома.

Ноги эти были усажены по бокам огромными колючими шипами. Такие же твердые шипы, только поменьше, расположились и по жесткому переднему краю крыльев.

Не успел я рассмотреть этой подробности, как мой зверь закричал во все горло страшным трескучим голосом. Я чуть не оглох от этого. Но когда я хотел рассмотреть, какая у него пасть, из которой, казалось, исходит такой трескучий крик, то я ничего не нашел. Голова у него держалась совсем спокойно, а рот был закрыт.

Тут только я обратил внимание на то, что его большие ноги странно дрожат. И, всмотревшись в них, я понял все. Ноги у него были с твердыми шипами и края крыльев — тоже. И когда он начинает тереть шиповатые края друг о друга, получается настоящая трещотка или такой скрип, какой мы получили бы, если бы стали тереть две пилы зубьями друг о друга.

Как только я увидел это и вслушался в громкое стрекотанье, я тотчас хлопнул себя по лбу:

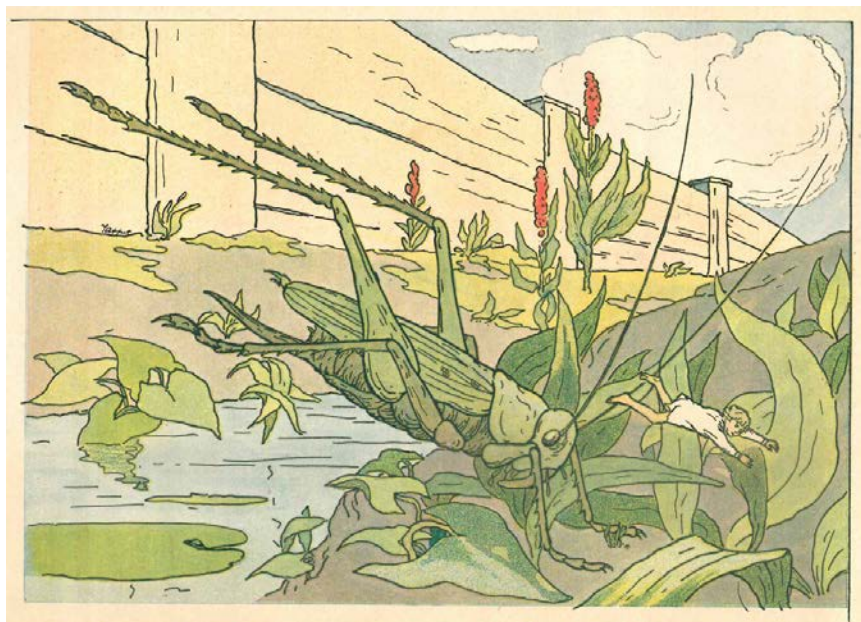
— Вот так зверь! — сказал я себе. — Сидит простой зеленый кузнечик, как огромное страшилище, и я его не узнал вовсе. Да еще испугался. Как страшно, значит, быть маленьким!

Теперь же я так обрадовался, что запрыгал вокруг кузнечика и, разыгравшись, с разбега вскочил к нему на спину и сел верхом.

Мы были почти у самого забора, а далее лежала широкая канава. От дождей в ней накопилось много воды. Кузнечик, как только почувствовал на себе меня, тотчас же прыгнул на другой берег канавы. Прыгнул он во всю силу своих огромных ног, потому что лететь ему до другого берега нужно было почти два с половиной аршина. А это значит раз в 80 больше, чем длина его тела.

Все это случилось так быстро и так неожиданно, что я не сразу понял, в чем дело. Вдруг вижу, что я быстро лечу вместе с кузнечиком по воздуху, а под нами канава с водой. На один миг мне казалось, что я оборвусь в воду, — тут бы и конец мне! Но оборваться мне пришлось уже на другом берегу. Кузнечик дал себе ногами такой сильный толчок, что мог бы лететь не два с половиной, а целых три аршина. Но за канавой он каким-то способом замедлил свой полет, я же через его голову полетел дальше (Рис. 4). Сидеть на нем было скользко и удержаться я не сумел.

Сорвавшись с кузнечика, понятно, я полетел носом в траву. К счастью, трава была мягкая и сочная. Только поэтому я не разбился насмерть. Теперь, лежа на траве, я сообщал, как все это случилось. Мне приходилось не раз ездить верхом на лошади. Если она бежит быстро и вдруг ос-

*Рис 4. Он замедлил свой полет, я же через его голову
полетел дальше.*

тановится, то нужно крепко держаться за гриву, а то тебя так и понесет вперед через голову. И мне однажды зимой пришлось полететь таким образом прямо в снег.

Когда я немножко успокоился и огляделся, я опять увидел зеленого кузнечика. Оказывается, он был тут же и сидел на толстом стебле травы, которую ветер пригнул к земле и которую он крепко охватил своими лапами. На конце лапок у него были острые крючки и он мог хорошо цепляться ими и удерживаться, где угодно. Впереди кузнечика на широком листе сидела неподвижно маленькая мушка. Должно быть, на нее-то кузнечик и глядел своими неподвижными зелеными и огромными глазами.

Я стал наблюдать за ним. Вдруг он сделал маленький прыжок к мухе, схватил ее своей огромной пастью и начал завтракать. Пасть у него была устроена точно так же, как и у таракана. И жевал он также не сверху вниз, а сбоку вбок. Его челюсти раздвигались и сжимались как клещи, у которых концы зазубрены.

И эти клещи были такие крепкие и сильные, а зубцы такие острые и страшные! Казалось, стоит только положить палец между ними, и кузнечик перекусит его пополам, как соломинку! Он жевал муху весьма усердно. И прошло не более одной минуты, как от мухи и следа не осталось: она была съедена вся целиком.

Позавтракавши, кузнечик пошел по стеблю, как по мосту, и скоро очутился на небольшом песчаном холмике земли. Канаву копали не очень давно, и потому земля, вынутая из нее, лежала по бокам неровными горбами. Их не успели разровнять дожди, а трава не успела покрыть их сплошным зеленым дерном.

Здесь кузнечик остановился и долго осматривался да повертывался кругом. Казалось, будто он задумывал что-то новое. Я следил за ним внимательно и скоро заметил, что он начинает ковырять землю задним концом своего брюшка. Я и раньше видел, что у него на конце брюшка торчит, как изогнутая рукоятка, какой-то длинный и твердый стержень. Не то хвост, не то руль. Теперь оказалось, этот хвост

был такой крепкий, что им можно было землю копать словно палкой.

Кузнечик слегка разрыхлил землю своим хвостом, и потом весь целиком воткнул туда его, да так и остался сидеть на корточках (Рис. 5). Он сидел таким образом долго и совершенно неподвижно. А я терпеливо ждал, что будет дальше.

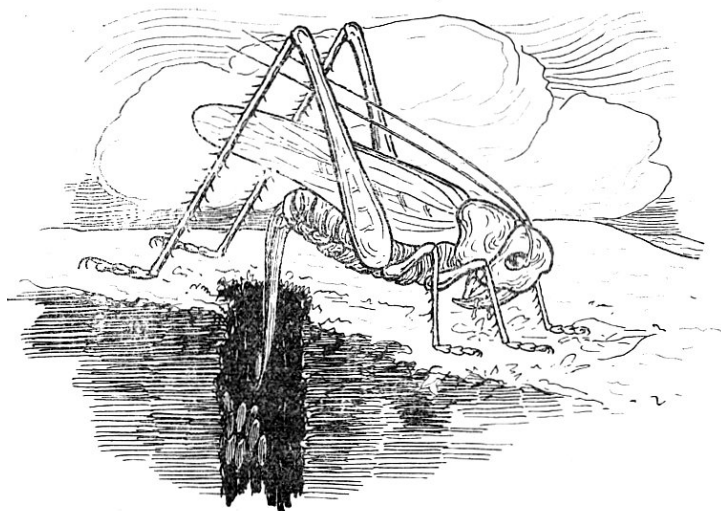

Рис. 5. Кузнечик кладет яички.

Наконец, он вытащил свой хвост, сделал огромный прыжок куда-то в сторону и исчез у меня из глаз. Я сидел почти у самой ямки, которую он оставил там, куда втыкал хвост, и не знал, как мне теперь решить эту загадку. Зачем все это делал кузнечик?

Чтобы узнать, я взял маленькую острую палочку и стал осторожно раскапывать землю как раз у той ямки, где кузнечик копал своим хвостом. Я снял несколько тонких слоев

земли, затем ковырнул еще раз и выкопал сразу несколько беловатых и продолговатых яичек.

— Вот так штука! — подумал я. — Кузнечик-то здесь яйца нес, а я вовсе и не догадывался об этом!

Я еще раз старательно перекопал все это место, выбрал из земли все яйца и насчитал их ровно двенадцать. Для пробы я раздавил одно яйцо. Оболочка была очень плотная, кожистая, а внутри была жидкая масса, вроде куриного белка.

Тут я припомнил, что мне приходилось читать о кузнечиках и о том, как кузнечики сверлят землю своим яйцекладом, кладут туда яйца, и как из этих яиц выходят молодые, еще бескрылые детеныши. Они так же походят на взрослых кузнечиков, как и молодые таракашки на взрослых тараканов. Когда они выйдут из яиц, у них ноги еще нежные и слабые, прыгать на них еще нельзя и потому всякий может съесть их. Потому-то мать и зарывает их еще до рождения в землю. Окрепнувши там, они легко выбираются из рыхлой земли, питаются травой и насекомыми и быстро вырастают.

И вот теперь только удалось мне подглядеть, как это делается у них на самом деле!

IV

Я ПЛАВАЮ ПО ВОДАМ И ВИЖУ, КАК ИЗ ВОДНОГО ЖИВОТНОГО ДЕЛАЕТСЯ ВОЗДУШНОЕ

После этого мне не захотелось оставаться здесь на лугу. Я понимал, что ходить по траве мне очень опасно. Ведь я, как мужичок с ноготок, был немного больше ногтя, и потому мог заблудиться в высокой траве, как в дремучем лесу, и меня мог съесть всякий мышонок.

Поэтому я начал придумывать, как бы мне перебраться опять за канаву к нашему саду. Простая канава, которую я, бывало, перепрыгивал, теперь была для меня большой широкой рекой. Трудно было найти нового кузнечика, который прыгнул бы туда и перенес меня с собой. Да и нельзя заставить его прыгать туда, куда я хочу. Сядешь на него, а он прыгнет, да совсем не туда, куда нужно.

Мне не оставалось ничего другого, как осмотреть канаву и поискать, где бы переправиться через нее обратно. На мое счастье, невдалеке, у самого моего берега, плавала на воде маленькая дощечка с ладонь величиной. Я спустился к воде, подошел к дощечке как можно ближе и твердо стал на нее: она даже не покачнулась на воде. Трава обросла ее всю, и мне нелегко было выпутать ее из травы, отпихнуться от берега и выбраться на свободную воду. Я думал, что если я сильно оттолкнусь от этого берега, то моя дощечка от толчка поплывет, словно паром, прямо к другому берегу.

Я так и сделал. Но пока я освобождал свой плот из травы, он выбрался из нее без всякого толчка и свободно поплыл. Но поплыл он не к другому берегу, а вдоль канавы. Оказалось, что в ней вода текла, как в реке, и меня понесло по течению вниз.

Там недалеко был большой пруд, а канава служила для того, чтобы спускать в нее дождевую воду. Я думал, что пока мы плывем до пруда, нас принесет течением к тому,

либо к другому берегу канавы, и я выпрыгну на землю. Поэтому я уселся на гладкой дощечке, как на дне лодки, и стал ждать.

Но, увы, течением несло нас как раз посредине, и скоро я с тревогой заметил, что мы приближаемся к пруду. Я испугался не на шутку. Если я не мог переплыть обыкновенной канавы, которую легко перешагнет всякий взрослый, то в пруде мне придется совсем погибнуть. Ведь он для меня — настоящее море. А на этой убогой дощечке моря не переплывешь!

Мой страх был очень велик, но он не мог помочь моему горю. Меня все несло и несло к пруду. Вот, наконец, мы и въехали в него! Какое широкое озеро! Какой большой водяной простор! К счастью, у берега росло много кувшинок. Широкие листья ее плавали неподвижно на поверхности воды, и к одному из этих листьев тихо причалил мой плот и остановился.

Мы были всего в двух шагах от берега. И я надеялся, что я сойду с плота на лист и буду помаленьку перебираться с одного листа на другой, пока не дойду по ним до берега, как по мосту. Листья были большие, широкие, гладкие. И на каждом листе теперь я так же свободно помещался, как прежде на своем плоту. Для пробы я скакал и прыгал на нем, а он лежит себе на воде и не шелохнется!

Когда я осмотрелся, сидя на гладком листе, я увидел, что здесь мне будет очень хорошо и удобно. Вдали предо мной расстилалась широкая водная гладь. Ветерок не колыхал ее, и она блестела как зеркало. Солнце только что поднялось над деревьями, которые окружали пруд. И лучи его осветили как раз тот самый берег, возле которого сидел я на своем зеленом и сочном плоту. Рядом со мной плавало множество таких же точно больших и круглых листьев, которые слегка блестели на солнце. Кое-где листья тесно соприкасались друг с другом, так что легко было перебраться с одного листа на другой.

Теперь я вполне успокоился. Вода в пруде была совершенно неподвижна. Никакая опасность мне не угрожала. Я растянулся на нежном и прохладном листе, чтобы по-

греться в солнечных лучах, и стал припоминать, какого водяного насекомого я могу увидеть здесь.

Но припомнить мне ничего не удалось. А потому я лег ничком, подставил спину солнцу, высунул голову за край листа и стал всматриваться в воду. Нос мой касался самой воды, и когда я всмотрелся в нее, я увидел, что она была очень прозрачна. В ней я мог хорошо рассмотреть все до самого дна. А глубина до дна здесь была более одного аршина.

Когда я вгляделся в воду внимательно и мои глаза привыкли к тому полумраку, который царит в ней, я скоро стал различать различных странных животных. Изредка мелькали небольшие рыбки. Но чаще всего вертелись и кувыркались какие-то длинные, волосатые и головастые чудовища.

Эти чудовища, — поистине ни рыба, ни рак, — ежеминутно то погружались до самого дна, то выплывали на самый верх. Ни ног, ни плавников у них не было, но плавали они довольно быстро. Кувыркались всем телом, и от одного кувыркания передвигались в воде прыжками. Поднимутся на поверхность, высунут свой хвостик из воды, повисят-повисят вниз головой неподвижно, а затем опять начнут кувыркаться ко дну.

Когда я рассмотрел их хорошенько, то увидел, что их два сорта. Одни — длинные, прямые и волосатые, а другие — крючковатые, с огромнейшей головой, на которой торчали ушки на макушке. Они были совсем не похожи друг на друга и плавали по-разному: головастые только кувыркались, а волосатые дрыгали своими ресничками, как рыба плавниками. (Рис. 6).

Я долго наблюдал этих странных животных, которые для меня не были страшны, потому что они совсем не выходили из воды. Все оставалось без перемен. Как вдруг, я заметил, один из волосатых кувыркунов прицепился возле меня к стеблю тростника, который торчал из воды, и словно замер.

— Уж не умер ли он? — подумал я. — Может быть, и у них есть какие-нибудь болезни? А может быть, старость пришла?

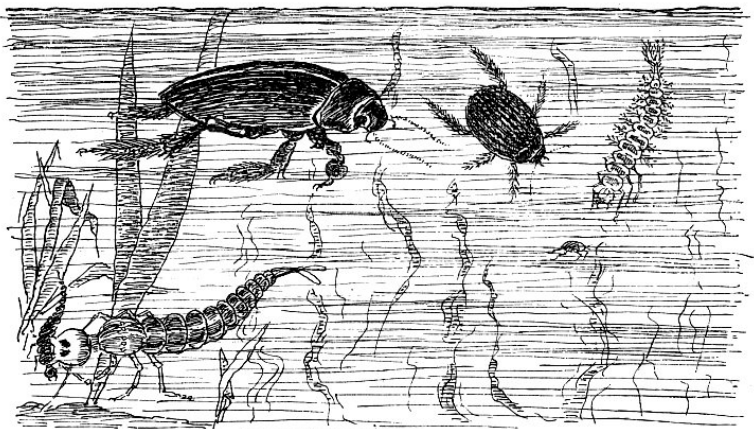

Рис. 6. Куколки и личинки комара.

Но тут я увидел нечто такое, чего я никак не ожидал. У моего волосатика лопнула кожа во всю длину его грудной части. Образовалась длинная прореха, точно у разорванной до пояса рубашки. А из этой прорехи показалась огромная голова другого, уже крючковатого животного. Кувыркаясь и изгибаясь, он вылез спокойно из своей прорехи, немножко помедлил и кувыркнул опять в воду, как в мягкую постель. А шкурка, из которой он вылез, осталась висеть неподвижно на стебле.

Я протянул руку и, хоть с большим трудом, но достал шкурку к себе и внимательно рассмотрел. Она была тонкая, мягкая, почти прозрачная, как стекло, волосатая и совершенно пустая внутри. В ней было животное, но оно ушло!

Я читывал, что насекомые имеют превращение, что из личинки выходит куколка, а из куколки бабочка либо жук.

Читывал также, что личинки и гусеницы линяют и сбрасывают свою шкурку целиком. Но что же такое произошло здесь? Ведь это не личинка линяла, потому что из шкурки вылезло не то животное, которое было, а совсем другое.

Мне пришлось бы долго ломать голову над этой загадкой, если бы счастливый случай не разрешил ее мне самым наглядным образом. Вскоре после того, как я рассмотрел пустую шкурку во всех подробностях, к тому же самому стеблю тростника причалил со дна кувыркающийся большеголовик, прицепился к нему и так же замер, как раньше волосатик.

Теперь я уже не думал, что он собирается умирать, и стал спокойно ждать, что произойдет что-нибудь новое и неожиданное. Ждать мне пришлось недолго. У голована также лопнула шкурка на его огромной голове как раз между ушами. Так же точно образовалась здесь огромная прореха, и из этой прорехи медленно и неуклюже показалось какое-то новое животное. Сначала вылезли какие-то две длинные и тонкие ноги и уцепились впереди за стебелек. За ними показалась голова, еще четыре такие же точно ноги, потом что-то похожее на крылья. Но что это были за крылья! Мягкие, сморщенные, они походили на тонкий платок, который забили комом в тесный мешок, подержали в нем несколько дней и потом вытащили его оттуда в виде измятой тряпицы.

Все это, — и ноги, и голова, и крылья, — помещались, как в мешке, в этом толстом конце животного, который я признал ошибочно за большую голову. Наконец, напоследок вышло тонкое и длинное брюшко, которое помещалось в тонкой половине головастого кувыркуна.

Так вылезло постепенно из шкурки новое животное с большими ногами и крыльями. Оно стало слегка пошевеливать и дрыгать ими, и таким образом постепенно расправило их. А когда оно их расправило и спокойно сложило на спине, я взглянул на него и ахнул от изумления:

— Батюшки! Да ведь это комар! Самый обыкновенный, настоящий комар! Вот-вот он отдохнет немножко, сядет мне на нос и укусит... (Рис. 7).

Но комару было не до меня. Он сидел почти неподвижно, такой хилый, мягкий да слабый. На крыльях у него все еще виднелись старые складки. Ноги гнулись и с трудом удерживали его. Ведь он только что родился на свет. А все новорожденные — такие слабенькие да вялые.

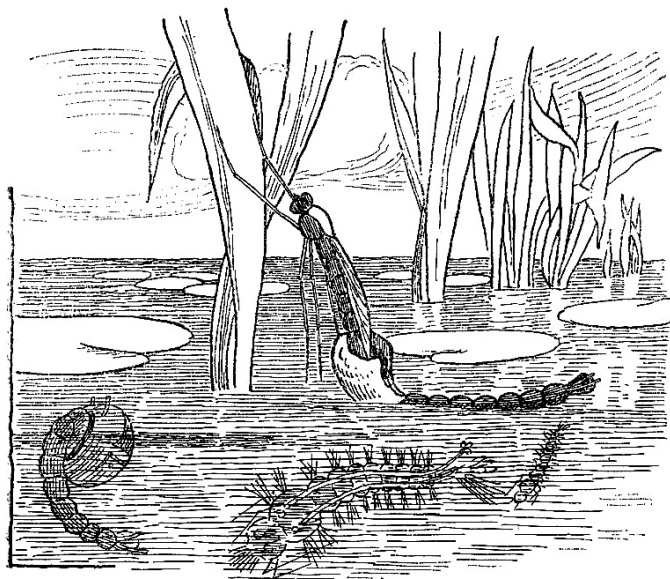

Рис. 7. Комар покидает свою оболочку.

Прошло много времени, прежде чем комар окреп. Хоть он и только что родился на свет, но он был не маленький, а настоящего комариного роста. Я вспомнил, что те насекомые, которые рождаются прямо из яйца, рождаются маленькими и потом постепенно вырастают. Таковы кузнечики и тараканы. Те же насекомые, которые рождаются не из яйца, а выходят из куколки, рождаются прямо взрослыми и уж не растут больше нисколько.

Пока я припоминал это, я догадался, что большеголовый кувыркун есть просто-напросто куколка комара. Прав-

да, куколки обыкновенно бывают неподвижны. И только слегка дрыгают брюшком, если их надавить немножко. Куколка же комара живет в воде. А ей, как и всякому живому животному, нужно дышать воздухом. Дыхальце у ней устроено на хвосте в виде трубочки. И вот она лежит-лежит спокойно в воде, а как только понадобится подышать свежим воздухом, начнет быстро кувыркаться кверху. Затем выставляет из воды свою дыхательную трубочку наружу и набирает воздуха столько, сколько ей нужно.

Догадался я также, что волосатое чудовище есть вовсе не чудовище, а простая личинка комара. Вот она, действительно, растет, как и все личинки. И хоть мне не удалось видеть, как личинки комара выходят из яиц, но я видел здесь много личинок разного возраста, и маленьких, и больших. А значит, когда из шкуры волосатого чудовища выходил большеголовый кувыркун, тогда личинка комара превращалась в куколку. Так это бывает почти у всех и других насекомых. Так я и читывал не раз в своих книжках. Только видеть этого мне никогда не приходилось, особенно же у комара, которого личинки и куколки живут в воде и здесь прячутся от наших глаз.

Я лежал на листе, соображал все это да припоминал, а мой комар все сидел да набирался сил. Изредка он взмахивал крыльями, как бы пробовал их крепость. А иногда прохаживался взад и вперед по стеблю тростника и этим укреплял свои шатающиеся длинные ноги. Наконец, он взмахнул крыльями посильнее, оттолкнулся ногами от стебля и полетел. Первая серьезная проба! Первый полет в его жизни! Родился, посидел и полетел!

Все время жил он в воде. Провел полжизни в воде в виде личинки и куколки. Плавал, кормился мелкими растениями. А потом у него выросли крылья, он обсох, взмахнул ими и улетел навсегда в воздух (рис. 8).

В воду уж он никогда больше не вернется. Но он помнит, что жил в воде и вышел из воды. Поэтому он не любит яркого солнца и сухой погоды, а летает только по вечерам, когда сыро да прохладно, и живет больше в тенистых и влажных лесах.

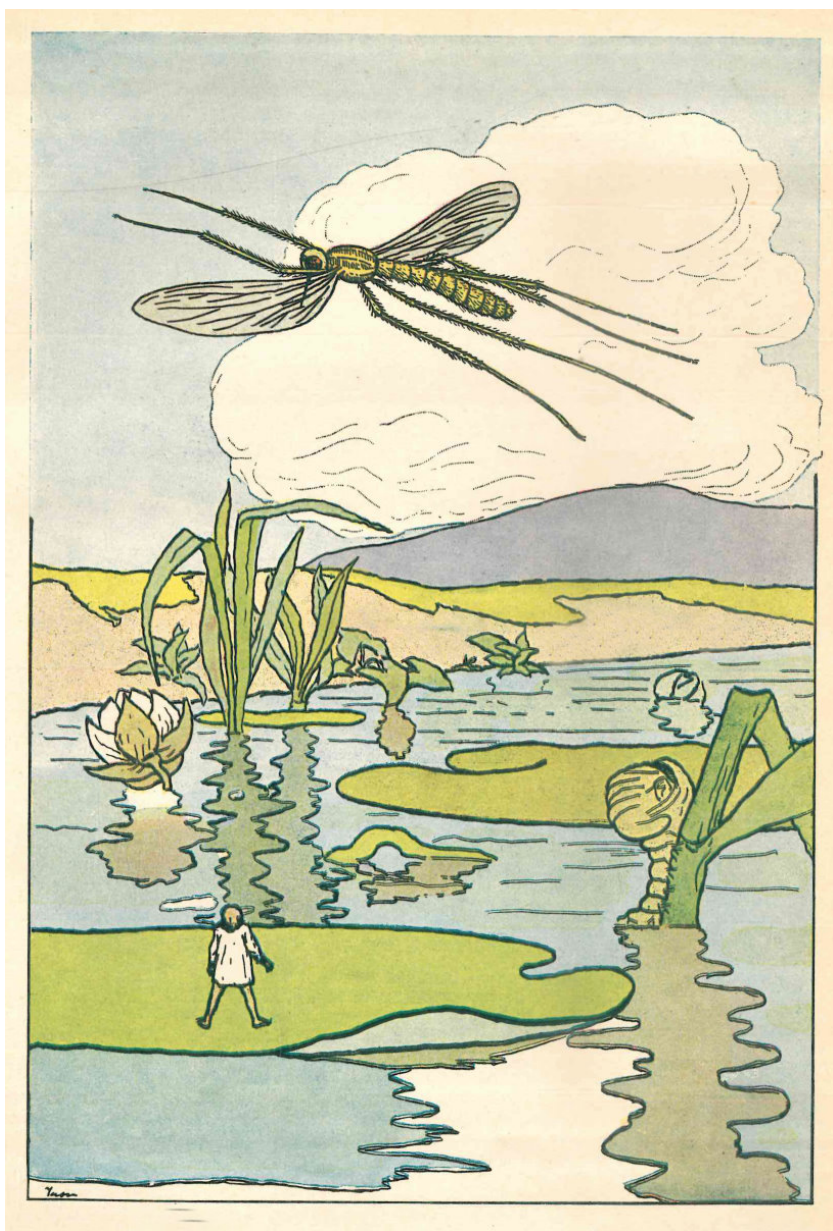

Рис. 8. Он обсох, взмахнул крыльями и улетел навсегда.

Но мой комар был еще слаб. И его первый полет был очень короток. Едва он долетел до следующего ближайшего стебелька, как сел на него отдыхать. Но сел он уже далеко от меня, наблюдать за ним мне было неудобно и потому я скоро потерял его из вида.

НИ КРОКОДИЛ, НИ БЕГЕМОТ: ЖИВЕТ В ВОДЕ, А ЛЕТАЕТ ПО ВОЗДУХУ

Совсем я не жалел, что новорожденный комар улетел. У меня перед глазами в воде были гораздо более крупные и интересные звери.

Уже несколько раз я замечал, что под соседним листом кувшинки мелькают какие-то две огромных рыбы. Одна была настоящая рыба, с головой, хвостом и плавниками, как следует. Другая же рыба была с ногами. Эта ногастая рыбина имела тонкую шею и толстую, усатую и рогатую голову. Особенно страшны были два острых рога, которые торчали вперед, как у сердитой коровы.

Этот зверь с шестью длинными ногами был раза в три больше меня. Я сравнил бы его с крокодилом, только у крокодила всего четыре лапы и длинная зубастая голова. А у этого зверя на его толстой голове даже пасти совсем не было: голова настоящая, а рта нет!

Сначала я заметил его одного отдельно. А потом они как-то сцепились вместе с огромной рыбой и долго барахтались вместе. Я думал, что они играют либо борются. Рыба была немного подлиннее невиданного мною зверя. Они все время вертелись, и потому я долго не мог рассмотреть, каким образом они сцепились друг с другом.

Наконец, рыба стала заметно ослабевать и понемногу совсем затихла. Ея плавники и хвост оставались совсем без движения, и она казалась мертвой. Уж не погибла ли она в борьбе со своим страшным врагом?

И вот теперь только я рассмотрел, что мой хищный зверь держит эту большую рыбу «в зубах». Правда, зубов у него не было, потому что не было вовсе рта. Но этот безротый зверь был страшнее самого зубастого. Я увидел, что его длинные, острые роги могут сжиматься и разжиматься, как нож-

ницы. Теперь он вонзил их в бок бедной рыбы, большой, но бессильной, крепко сжал и держит ее, как в клещах. (Рис. 9).

Ногами он крепко уцепился за стебелек листа, а рыбу держал своими клещами, не выпуская ее ни на один миг. Уж не сосал ли он ее? Я очень внимательно следил за ним, но никак не мог подметить никаких особых движений. Жевать он не мог, потому что жевать было нечем. Значит, он мог питаться только как сосунок.

Сколько прошло времени за этим наблюдением, я не знаю. Может быть, час, а может быть, более. От воды веяло приятной прохладой, а сверху ласково пригревало солнышко. Лежать было мягко и удобно, и потому времени я не замечал. Наконец, мой зверь выпустил свою жертву. Клещи его раздвинулись. Острые, как иглы, концы их он вытащил из рыбы и оттолкнул ее.

Рыба, конечно, была мертва. Свободная от клещей хищника, она медленно всплыла наверх как раз у самого листа, на котором я лежал. Я подхватил ее рукой и без труда вытащил целиком на свой лист.

Увы, это была уже не рыба, а только кожа да кости ее. Когда я поднимал ее за середину, она гнулась и висла, словно толстый пустой мешок. Очевидно, все нутро, все соки ее были высосаны начисто. Никакая пиявка не сделает этого так искусно и так основательно.

Пока я рассматривал жалкие остатки бедной рыбы, я чуть не прозевал своего хищника, который сначала сидел неподвижно в той же самой позе на том же самом месте. Наконец, он стал выражать беспокойство, ходил в воде по стеблю вверх и вниз и как будто что-то разыскивал. Затем недалеко от самой поверхности он крепко уцепился всеми шестью лапами за край листа и замер в неподвижности.

Я смотрел на него, не спуская глаз, потому что теперь он был очень близко от меня. Как вдруг, я вижу, кожа на голове у него лопается, не в виде одной длинной прорехи, как у личинки комара, а сразу в виде нескольких прорех. Я сейчас же сообразил, что начинается какое-то превращение и стал глядеть на хищника во все глаза.

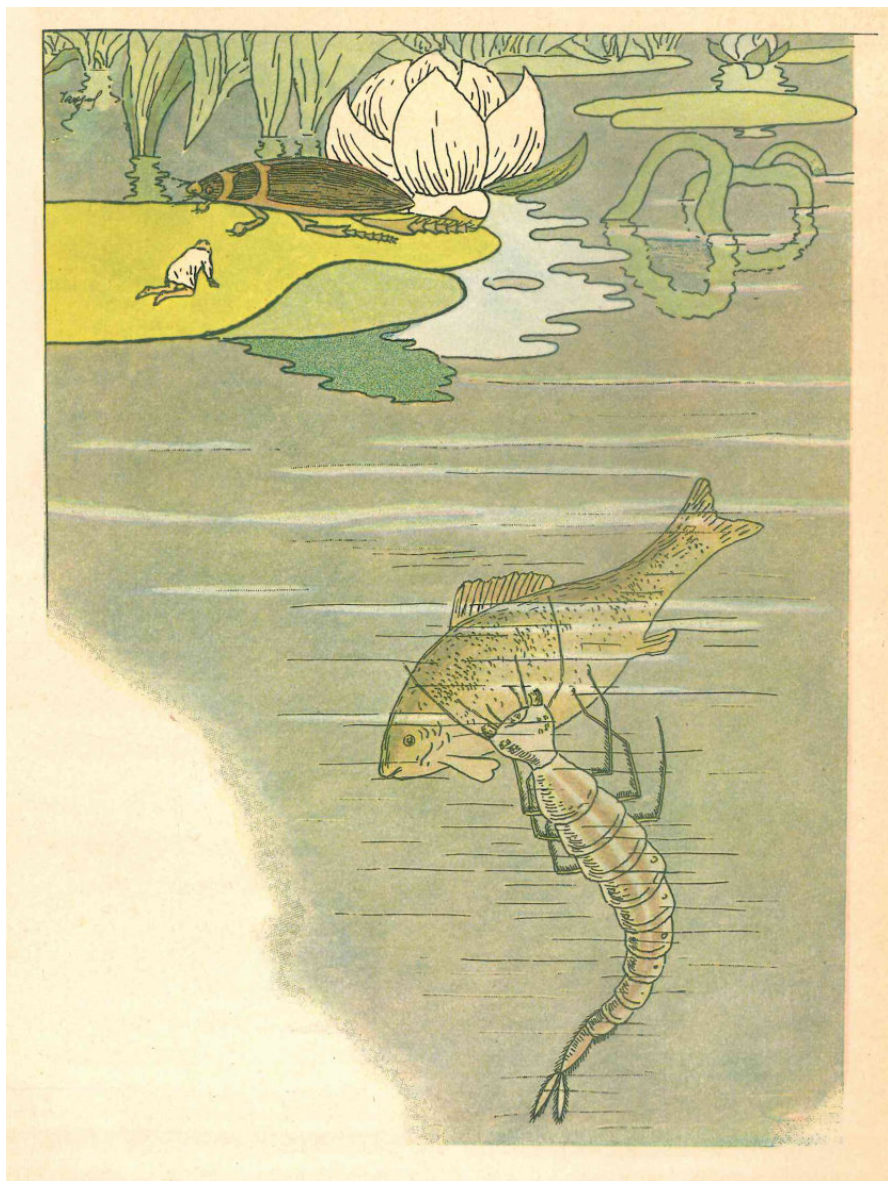

Рис. 9. Он вонзил рога в бок бедной рыбы, большой, но бессильной, крепко сжал и держит ее, как в клещах.

Но я ошибся. Из широкой прорехи показалась голова — та же самая рогатая и усатая голова, какая и была. За головой показались ноги. Передними ногами хищник уцепился за лист и вылез постепенно весь из своей старой шкуры, как из мешка. Шкурка же осталась висеть на том самом месте, где и была.

Очевидно, он только линял. Вырос из старой шкуры, которая стала тесна ему, и сбросил ее, как тесную обувь. Конечно, к этому времени под ней у него выросла другая молодая шкурка, на первых порах тонкая и нежная. Очевидно, поймавши рыбу, он так сильно насосался, что ему стало тесно в старой шкуре и потребовалось сбросить ее поскорее.

Мне очень хотелось достать сброшенную шкурку и рассмотреть поближе, но достать было очень трудно. Рука моя была коротка для этого, а никакой подходящей палки у меня не было. Не видно было ее нигде и поблизости.

Я смотрел на шкурку и соображал, как мне легче и удобнее достать ее. Как вдруг я вижу нового зверя, — совсем не похожего на всех прежних. Огромный, широкий и плоский, черный и глянцевитый, с шестью шиповатыми ногами и с двумя усами, он быстро поднимался со дна как раз у того места, где висела шкурка. Поднявшись до нее и перебирая лапами, чтобы ухватиться за лист, он ухватился нечаянно за висевшую шкурку и оторвал ее от листа. После этого она выплыла наверх.

Я не знал теперь, что мне делать, ловить ли шкурку или следить за невиданным зверем.

Зверь, конечно, был интереснее, да и страшнее. Если бы он задумал влезть ко мне на мой лист, я не знал бы, куда мне от него спастись. Лист был гладкий, а кругом вода. Если бы он быстро прыгнул ко мне, тут мне и конец: схватил бы меня всеми шестью шиповатыми и крючковатыми лапами и урвать некуда. Тяжелый и крепкий, точно броненосец, окованный железом, он мог совсем придавить меня своей тяжестью, потому что был раза в три больше меня.

Надо сознаться, что мне сделалось так страшно, как никогда еще не было. И я уж соображал, что в случае опасности мне лучше ухватиться за тот стебель тростника, который стоял почти рядом. На нем раньше сидел комар, и я мог легко влезть на него, как на дерево. Я догадывался, что такой огромный и неуклюжий зверь, который плавает в воде, не может лазить по деревьям.

Но зверь, напугавший меня, вовсе не думал лезть ко мне на лист. Наверное, он совсем и не заметил меня. Он просто выплыл наверх, высунул задний конец своего брюшка на воздух и так повис неподвижно у самого листа вниз головой.

Повисевши таким образом несколько минут, он опять нырнул в воду и поплыл ко дну, перебирая лапами в воде.

Я вздохнул свободно и успокоился. На этот раз я был спасен. А если он пожалуется ко мне вторично, я успею придумать что-нибудь и переправиться с этого листа на другой либо прямо на берег.

А теперь я вспомнил о шкурке, которая спокойно плавала на поверхности недалеко от моего листа. И чтобы достать ее, стал рукой загребать воду к себе. От этого вода заколыхалась и стала двигаться ко мне, а вместе с ней стала приближаться ко мне и шкурка. Наконец, я мог уже схватить ее прямо рукой.

Она была почти такая же тонкая и прозрачная, как и у личинки комара, только гораздо грубее той. Очевидно, это была тоже шкурка личинки, но чьей, вот вопрос?

Я осторожно расправил ее на листе и выправил все лапы, чтобы шкурка приняла форму той личинки, которая ее сбросила. Сделать это было легко, потому что шкурка нигде, кроме головы, не была повреждена нисколько.

Когда я расправил ее и немного изогнул хвостовую часть, то увидел, что моя шкурка очень похожа на рисунок, который я видал недавно в книге о насекомых. Я стал припоминать, чья личинка была изображена на рисунке и, наконец, вспомнил. Я был так рад этому, что даже воскликнул вслух:

— Ведь эта личинка жука-плавунца! И какая же она страшная, огромная и прожорливая! Съедает разом целую рыбу почти с себя ростом! Никогда бы не поверил этому, если бы не увидел собственными глазами!

— Ну, думаю: если это личинка жука-плавунца, то не был ли то сам жук, этот плоский, широкий броненосец, который так напугал меня сейчас и который высовывал свое брюшко из воды?

— Конечно, это был он! Ему понадобился свежий воздух и он выплывал за ним. Я читывал, что его дыхальца помещены в задней части и, значит, он набирал в них воздуха на запас. Теперь я все вспомнил и сообразил! И если он опять пожалует ко мне, я уж ни капли не испугаюсь его. Теперь я сразу узнаю его, потому что на рисунке видал не только личинку, но и самого жука.

Но долго еще пришлось мне ждать его. Может быть, в это время он и выплывал не раз где-нибудь в другом месте, но не возле меня. Пробыть же долго под водой без воздуха он не мог. Наконец, я стал уже терять терпение. Как вдруг, вижу, торчит из воды усатая голова и лезет ко мне прямо на лист. Если бы я хотел пошалить, я мог бы дернуть его за один ус. Тогда он, испугавшись, нырнул бы опять в воду. Но шалить я не думал. И совсем не боялся теперь такого смиренного, хоть и огромного жука. Поэтому я не мешал ему вылезть ко мне на лист.

Не знаю, захотелось ли ему погреться на солнце или надоело ему плавать в воде. А может быть, он устал и захотел отдохнуть да надышаться воздухом подольше. Только он преспокойно вылез на мой лист, сел на нем, не обращая на меня никакого внимания, и принял покойную и неподвижную позу. Уж не дремал ли он на солнышке?

Я воспользовался этим и стал ходить кругом него да осматривать его со всех сторон. Это был обыкновенный крупный жук, похожий на всех других жуков. Но крылья у него были жесткие, грудь и брюшко — также в жестком панцире. Поэтому весь он похож был на броненосец либо на подводную лодку, окованную железом со всех сторон. Чтоб осмотреть его хорошенько, я лазил под него и видел, что ни-

где у него нет ни одного мягкого и нежного места. Если бы я стал колоть его иголкой, я бы не нашел места, через которое можно проткнуть его. Только сзади под крыльями у него есть небольшая впадина. И, должно быть, в нее-то он и набирает воздух, когда поднимается из воды на минутку, чтобы подышать.

А я уже давно читывал, что все насекомые дышат не ртом, а брюхом.

Затем, у него интересны задние лапы. Они покрыты густыми длинными волосами, и эти волосы помогают ему плавать. Я видел, как в воде он загребает воду этими волосатыми ногами, точно веслами.

Я осматривал его не спеша, потому что мой броненосный бегемот сидел без малейшего движения, и я думал, что он заснул.

Как вдруг, я вижу, он поднимает свои жесткие, негнущиеся, как железо, крылья. Из-под них разворачиваются другие крылья, тонкие, нежные и огромные, как паруса. Он взмахивает ими по воздуху и медленно, с натугой поднимается ввысь.

— Прощай, милый друг, — успел сказать я ему вдогонку и скоро потерял его из виду. Он исчез где-то вдали над берегом пруда.

Очевидно, он вылез ко мне на лист только за тем, чтобы хорошенько обсушиться для полета. Правда, вода и так скатывалась с него, как с гуся.

— Хорошо, — подумал я, — такому зверю. В воде он плавает, как рыба, и ныряет там всюду, как дома. На суше он может делать все то же, что и мы. А надоест сидеть на одном месте, так он умчится в высь поднебесную, словно птица. Везде ему хорошо и везде он чувствует себя привольно. А я вот сижу тут без движения на убогом листе и никуда не могу перебраться с него. Эх, полетел бы и я сам, посмотрел бы на землю с высоты и окунулся бы в широкий воздушный простор!

VI

ПО ВОДАМ, КАК ПО СУХУ, И НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

Но полететь мне на этот раз не удалось.

Зато мне пришлось пережить на воде новое приключение, такое, о каком я никогда в жизни не думал.

Я достаточно насмотрелся в глубь воды и потому стал теперь озираться по сторонам да соображать, как бы мне перебраться со своего плавучего острова на твердый берег. Придумать это было нелегко, потому что плавать я не умел, а мою дощечку, на которой я приехал сюда, давно унесло от меня легким ветерком.

Теперь я, сколько ни смотрел вокруг, не мог найти ни одной вещицы, которая мне помогла бы попасть на сушу. А и берег-то был в двух шагах от меня! Действительно, близок локоть, да не укусишь! Вся эта часть пруда была покрыта такими же широкими листьями кувшинки, но лист от листа отделялся небольшой полосой воды. Перейти же посуху небольшую полосу воды так же трудно, как и большую.

Оглядываясь во все стороны с гладкого поля своего листа, я заметил, что на воде плавают какие-то удивительные длинноногие животные. Да и плавают они необыкновенно странно. Они не барахтаются, не загребают воды, даже не сидят в воде, а спокойно стоят на поверхности воды, как на стекле и скользят по ней, как будто это — не жидкая вода, а твердый лед.

Величиной они были меньше черного таракана, а по воде скользили так же легко, быстро и плавно, как это делаем мы на коньках либо на лыжах.

Я знал, что на лыжах можно ездить по глубокому рыхлому снегу, и тогда даже большой человек не проваливается в нем. Уж нет ли, думал я, и у этих животных под ногами чего-нибудь похожего на лыжи? Но издали мне было не

видно, как это они держатся на воде и почему не тонут.

Любо было посмотреть на этих скороходов. Для них везде жидкая и топкая вода — словно суша, и скользят они по ней скорее всякого парохода. Едут быстро-быстро, без остановки, а то вдруг остановятся и как будто размышляют, продолжать ли им путь в ту же сторону или повернуть в другую?

По-видимому, они ничем не были заняты и только прогуливались да наслаждались хорошей ясной погодой, зеркальной гладью воды и еще своим удивительным искусством стоять на всех ногах поверх воды и не тонуть в ней.

Я видел их несколько штук и скользили они по пруду в разных направлениях.

— Вот бы, — думал я, — взять себе одного такого лодочника. Мигом доставил бы он меня к берегу. Вон как легко и быстро скользит он на воде!...

Вдруг, словно нарочно для исполнения моих желаний, один скороход направился издали как раз мимо моего листа. Неподалеку он раза два остановился, а у самого края моего листа остановился еще раз.

Я сильно обрадовался случаю рассмотреть его устройство. И потому совсем забыл про свое желание — поехать вместе с ним по воде к берегу.

Он был весь длинный да узкий. И голова, и брюшко — заостренные. Ноги длинные, коленчатые, с какими-то коготками. А все брюшко покрыто густыми-прегустыми волосками, и в них запуталось несколько пузырьков воздуха. Очевидно, эти пузырьки и держали его на воде, вроде того, как те резиновые пузыри, на которых я учился плавать, да не успел научиться.

У него были крылья такие же твердые и жесткие, как и у жука. Вероятно, под ними прятались, также как у жука, другие крылья, нежные да пленчатые, на которых он может летать. Ведь если высохнет этот пруд, не умирать же ему здесь? Наверное, полетит тогда разыскивать другой такой же пруд, спокойный да широкий.

По-видимому, весь он был жесткий да твердый. Но по общему облику он скорее напоминал клопа, чем жука.

Рассмотревши его, я тотчас вспомнил, что это и есть так называемый водяной паук. Все почему-то его так называют. И никому не придет в голову сосчитать, что у него всего только шесть ног, между тем как у каждого паука их восемь.

Вспомнил я также, что я где-то читывал про этого водяного скорохода. Вспомнил, что настоящее название ему — водомерка, и что она, действительно, есть клоп, похожий и на постельного, и на цветочного клопа.

Но пока я сидел да вспоминал, мой водяной клоп взмахнул всеми шестью лапами, скользнул мимо моего листа и отправился путешествовать дальше по всему пруду. Я же, как был, так и остался по-прежнему на своем необитаемом, да еще плавучем острове. По-прежнему сидел я на нем недвижимо да глядел на берег, на который я никак не мог попасть.

Что, если придется мне просидеть здесь несколько дней и помереть голодной смертью? Ведь если и придет кто-нибудь сюда к этому пруду, то он не заметит меня, такого крохотного. Весь я теперь ростом с муху. А кто же заметит с берега муху, которая сидит где-то среди пруда на зеленом листе кувшинки?

От этой мысли мне стало так грустно, что я готов был расплакаться. Но плакать мне было стыдно, потому что я хотел делать наблюдения над жизнью насекомых.

— Так буду же терпеть, пока можно, и ждать какого-нибудь счастливого случая! Случай, говорят, всегда приходит к тому, кто умеет ждать.

С горя я лег теперь на спину на своем зеленом ложе и стал смотреть в небо. Там высоко плыли белые кудрявые облачка и то расплывались, изменяли свою фигуру, то таяли совсем и исчезали. А ниже реяли ласточки да стрижи. И так им было привольно в этом воздушном просторе! Неволю я позавидовал им и пожалел, что все люди от природы — такие толстые, большие да тяжелые. Если бы они стали такими маленькими да легкими, каким стал теперь я, они скоро научились бы летать по воздуху.

Пока я мечтал об этом, я не заметил, как у меня почти под самым ухом что-то затрепыхалось. Я вскочил на ноги и увидел летящего дракона. Он был так велик, что тень от него упала на меня и мне показалось, что солнце вдруг затмилось. Вероятно, он хотел присесть на том стебле тростника, на котором сидел комар, но ему показалось неудобным и он затрепыхал крыльями и опять улетел в высь. Я со страхом и удивлением проводил его глазами, пока он не исчез из виду.

Сначала я очень обрадовался тому, что миновала большая опасность для меня, а потом стал жалеть: может быть, это был добрый дракон, и может быть, он помог бы мне перелететь на берег и спастись со своего пустынного острова.

На этот раз мне недолго пришлось охать да вздыхать. Совершенно незаметно для меня, откуда-то с разбега наехала на мой лист водомерка и села на нем. (Рис. 10). Может быть, она скользила очень быстро и издали совсем не заметила

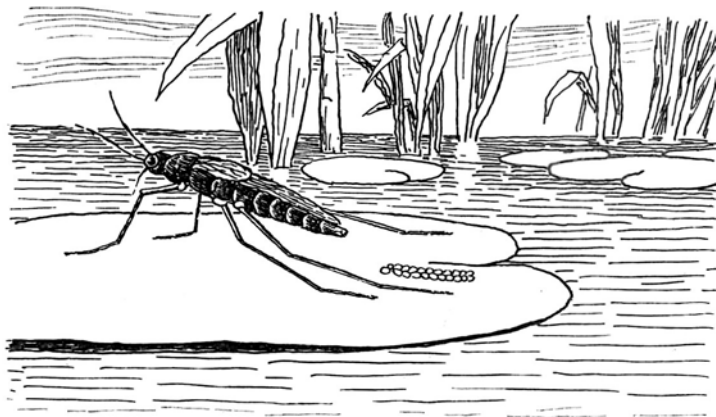

Рис. 10. Водомерка на листе.

моего листа, который стоял с краю одиноко. А наехавши на лист, она очутилась на сухом пути и потому остановилась в недоумении: почему это лапки ее, которые раньше так хорошо скользили, вдруг перестали двигаться.

Это было как раз на мое счастье. Мне так сильно хотелось сдвинуться с моего голого листа, что я забыл всякую осторожность. Я не стал раздумывать, может ли поднять меня водомерка, и если поднимет, то может ли довести меня до берега. Я боялся только одного, что потеряю и этот случай. И потому, не медля ни секунды, закинул ногу и сел на водомерку верхом. (Рис. 11). Было жестко и неудобно, но поправляться мне было некогда, потому что водомерка почувствовала седока и моментально тронулась в путь.

Таким образом, не успел я опомниться, как съехал со своего надежного листа и очутился среди зыбкой и опасной водной глади.

Водомерка, конечно, ни разу в своей жизни не возила на себе ни одного седока. Она чувствовала себя неловко и тяжело и с трудом подвигалась вперед. Но подвигалась она, увы, не к берегу, а на середину пруда, где мне было еще страшнее и еще опаснее.

Быть может, думал я, она перевезет меня на другой берег через весь пруд. Но когда я увидел, как под ней гнется вода и как трудно ей двигаться далее, я потерял всякую надежду. Я глядел сверху на темную воду. Она расстилалась под нами и за нее уже зацепляли мои болтавшиеся ноги. Один миг, и я оборвусь со своего скользкого шестиногого водяного коня. От этой мысли мне стало страшно, как никогда за весь сегодняшний день. А этот день дал мне уже немало разных приключений!

Вдруг не выдержит вода либо спина моего чудесного коня и мы оба очутимся в глубине без всякой помощи и безо всякой надежды!

Однако мы помаленьку двигались все вперед и вперед, и я уже стал немножко успокаиваться. Вот мы переплыли середину пруда. Вот удалились уже и от середины и стали приближаться к тому берегу. Там уже виднелись мне сплошные заросли кувшинки и тростника. А водомерка точно привыкла к седоку, оправилась и стала подвигаться быстрее и тверже.

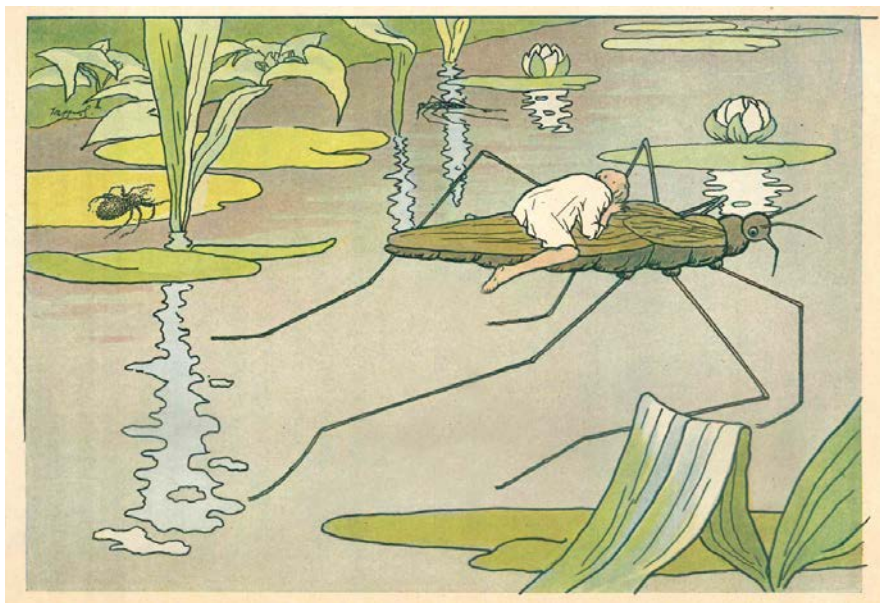

Рис. 11. Не медля ни секунды, закинул ногу и сел на водомерку верхом.

Я уже видел в нескольких шагах от нас ближайший лист кувшинки и захотел посмотреть в глубь воды, далеко ли здесь дно, где растет кувшинка.

Но едва я взглянул в воду, как в этот же миг передо мной мелькнула морда какого-то отвратительного водяного чудовища, и вдруг — трах!..

Я чувствую, что меня бросило вперед. Чувствую, что я очутился в воде, барахтаюсь в ней и хватаюсь руками за край листа кувшинки, о который при падении я ударился лбом. Край листа немного подогнулся, я насел на него брюхом и счастливо вылез наверх.

Отряхнувшись, я тотчас же взглянул на воду, чтобы отыскать свою водомерку, но ее и след простыл. Еще полминуты назад мы спокойно двигались по воде. А теперь ни здесь, ни вблизи, ни вдали никакой водомерки не было. Точно ее никогда не бывало!

Тут только я сообразил, что с ней случилось и какой страшной опасности я подвергался. Чудовище, морда которого мелькнула передо мной, очевидно, схватило ее и либо проглотило разом, либо утащило на дно позавтракать ей не спеша. Если бы оно сделало размах чуть посильнее, оно вместе с водомеркой схватило бы за ноги и меня, и тогда от меня не осталось бы и косточек и никто бы никогда не узнал, что со мной стало.

А если бы чудовище схватило и одну водомерку, да минуткой раньше, когда мы были еще далеко от листа, мне все равно пришел бы скорый конец. Я не мог бы тогда доплыть до листа. А в воде, захлебнувшись, пошел бы ко дну вслед за водомеркой и чудовищем, которое там бы и подобрало мое тело.

Когда я сообразил, как близка была моя смерть и как счастливо я избежал ее, я готов был плясать от радости. Теперь я опять на твердом и устойчивом листе. Притом же, о, счастье! этот лист не одинок, а к нему вплотную прилегают еще четыре таких же листа. Таким образом я спокойно могу переходить с листа на лист и разгуливать по ним, как по полю.

Правда, за ними опять вода. Правда, до берега здесь еще втрое дальше, чем было раньше. Но что за беда! Пускай берег далеко, лишь бы сейчас мне было безопасно и лишь бы никакое чудовище не разевало на меня свою пасть.

Да, приятно было чувствовать, что я спасен, невредим и нахожусь в полной безопасности. Приятно было думать, что еще две минуты назад я мог бы попасть в лапы чудовища, но не попал. Приятно было сознавать, что все это миновало, что я ни капли не пострадал и что весь мой страх беды уже прошел и не возвратится.

VII

ПОСЛЕДНЕЕ ЧУДОВИЩЕ, И Я ЛЕТАЮ ПО ПОДНЕБЕСЬЮ

Велика была моя радость после того, как я спасся от какого-то чудовища, но и она стала проходить. А вместо нее меня стало мучить любопытство, что это за зверь подводный, который неожиданно унес водомерку в пучину, а вместе с ней чуть не унес и меня.

Я лег на лист брюхом вниз, а голову выставил за край листа как раз в том месте, где я вылез на него из воды после своего крушения, и стал смотреть в воду. Глаза мои скоро привыкли к полумраку и я стал кое-что различать в сумрачной воде.

Но не прошло и полминуты, как я с ужасом отшатнулся от воды. Почти у самой поверхности ее, под водой, плавал маленький молодой листик кувшинки, а на нем сидело мое чудовище и доедало остатки водомерки, на которой я ехал. (Рис. 12). Тут же валялись все шесть ног, голова ее и жесткие крылья, а остальное почти все было уже съедено.

Опять мне стало ужасно жутко при мысли, что это чудовище могло бы и меня растерзать точно так же. Тогда и от меня остались бы на листе только ноги да голова. Но теперь зверь уже насытился. Он с трудом доедал остатки своей добычи, и потому мне не был страшен. Самый свирепый хищник не опасен, если он сыт.

А зверь этот был гораздо больше и гораздо страшнее того, который обсасывал рыбу и который потом оказался личинкой жука-плавунца. С большими ногами и большой головой, он, казалось, был еще более грозным, чем крокодил.

Я никак не мог припомнить, видал ли я его где-нибудь на картинках. Мне было страшно жутко глядеть на него. И потому казалось, будто я не видывал никогда более страш-

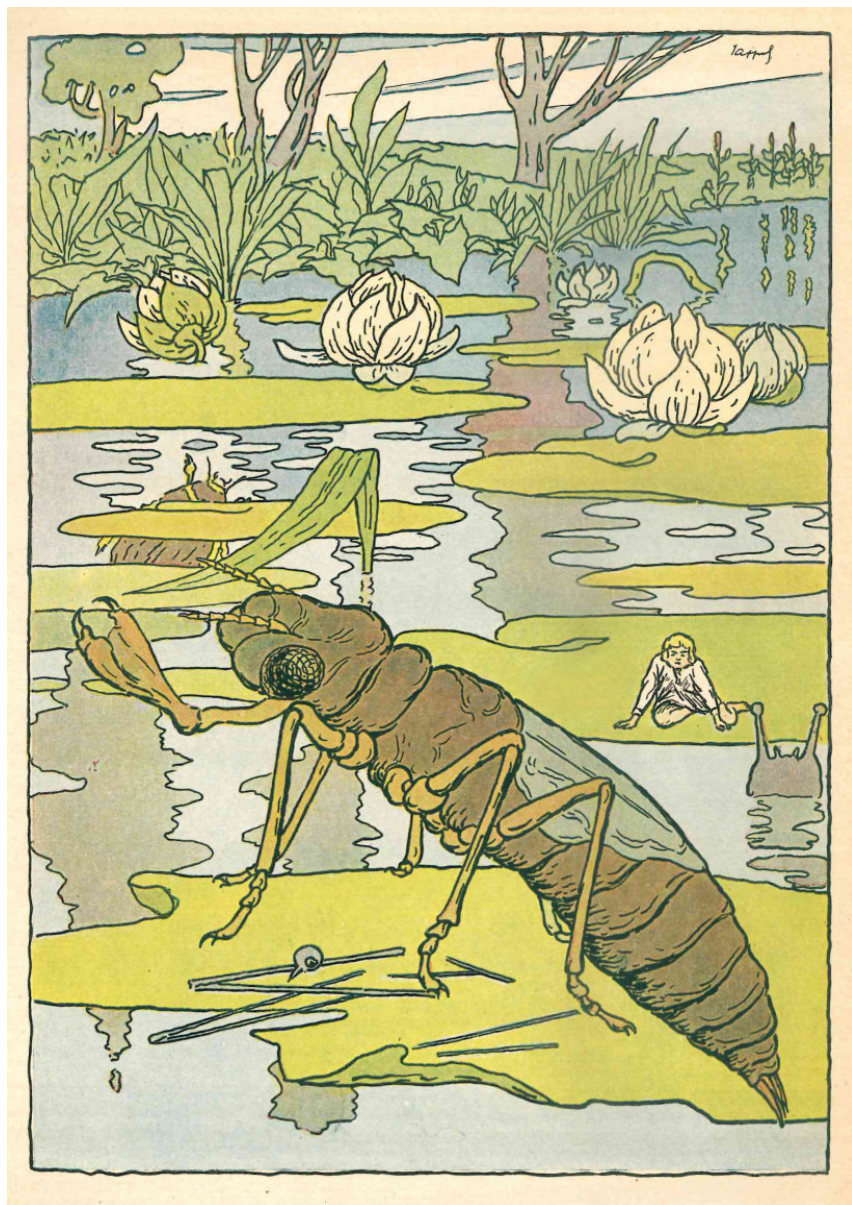

Рис. 12. На листе сидело чудовище и доедало остатки водомерки, на которой я ехал.

ного и противного чудовища.

А он, наевшись, стал охорашиваться. То начнет лапками перебирать, то хвостиком повиливает. И вдруг, я вижу, из-под шеи у него отделяется и откидывается какая-то странная маска с двумя большими крючками. Откидывается, а потом опять укладывается под шею, словно какая-то фигурная крышка ящика на шарнирах.

Как только я увидел этот необыкновенный прибор, для меня тотчас стало все ясно:

— Конечно, это — личинка стрекозы, — сказал я себе. — Только у нее одной есть такой «намет» или такая ловчая сеть с двумя баграми. Только она одна умеет закидывать свою сеть для ловли добычи. Ни у кого больше такого прибора нет. Кто хоть раз прочитал об этом где-нибудь, тот никогда уже этого не забудет.

Теперь для меня стало ясно, почему я уцелел. Когда этот зверь, увидавши снизу водомерку, закинул на нее свою маску с баграми, они задели ее своими острыми крюками и поволокли вниз. Задеть меня они не могли, потому что я сидел на водомерке гораздо выше, и маска была коротка для этого.

Я хорошо рассмотрел теперь этот ловчий прибор и нахожу, что ничего подобного нигде во всем животном царстве я не встречал. Слишком уж он оригинален и замысловат. Особенно забавно было видеть его в действии, когда этот хищный зверь, как будто играя, то закидывал свою сеть для ловли, то опять подбирал ее.

Закидывать ему тут было не для чего, потому что не было никакой добычи. Очевидно, он делал это только для пробы, чтобы убедиться, правильно ли действует его прибор. Так делает иногда кошка: лежит спокойно, а сама выпускает свои острые когти и вонзает их в подушку, а затем подбирает их снова и делает совсем незаметными.

Должно быть, убедился этот хищник, что его ловчий прибор действует исправно. Поэтому он опять нырнул с листа в глубь и отправился на поиски за новой добычей. Такому огромному зверю одной жесткой водомерки мало для насыщения.

Я остался опять один. Обошел все свои пять листьев кувшинки. Они стояли друг за другом в один ряд, и потому по ним можно было прогуливаться, как по широкой аллее. Аллея была просторная, зеленая, гладкая, споткнуться на ней негде и ходить босыми ногами так мягко и приятно. А по обеим сторонам аллеи — широкое непроходимое море. Если бы такую аллею устроить нарочно для прогулок, всякий бы сказал: как здесь мило и красиво!

Только в одном конце эту красоту портил длинный и узкий лист тростника. Он был надломлен ветром от стебля, который стоял в воде поблизости, и потому длинной лентой свешивался как раз над последним листом кувшинки и загромождал здесь дорогу для прогулок.

Так разгуливал я по своей плавучей аллее очень долго. Никто и ничто меня не беспокоило. И я совсем забыл, что весь пруд населен различными водяными чудовищами. Некоторых я уже видел. И теперь хорошо знаю, с каким удовольствием они съели бы меня целиком, если бы только увидали меня здесь, одинокого и незащищенного. Хорошо быть маленьким для того, чтобы изучать их, но страшно опасно подходить к ним близко, особенно когда они голодны.

Когда я размышлял таким образом, гуляя по своей аллее, вдруг я слышу над моей головой страшный шум и какой-то странный скрип от трепыхания крыльев, словно целая стая птиц хочет обрушиться на меня.

Я весь похолодел от ужаса, и мне тотчас же вспомнились разные страшные сказки о летающих кровожадных драконах. От страха я зажмурился и думал, что уж теперь, наверное, пришел мой конец.

Но так же внезапно все опять стихло. И я, хоть с закрытыми глазами, но чувствую, что остаюсь жив и невредим.

Открыл глаза я спокойно; думал, что теперь мне не угрожает никакая опасность, и... от страха остолбенел. В нескольких шагах от меня на узкой ленте тростника уселся огромный дракон и большущим левым глазом смотрит на меня, не поворачивая головы. Его огромные четыре крыла были распростерты поперек его тела и слегка покачи-

вались. Они оба были прозрачны, как стекло и только перекрещивались вдоль и поперек жилками, толстыми, как веревки. Издали каждое крыло напоминало остов крыла ветряной мельницы или крыла на модели летательной машины.

Прикреплялись все четыре крыла к толстой и сильной груди. К ней же были прикреплены шесть больших ног с крючковатыми лапами, которые своим видом напоминали ноги сказочного дракона, как его рисуют на картинках. Маленькая голова соединялась с грудью очень тонкой шеей. Но на этой маленькой голове по обе стороны ее прилеплены были два огромных глаза, которые были вдвое больше самой головы. От груди начиналось длинное и прямое туловище, вдоль которого могли бы лечь пять таких человек, как я.

Оба глаза, и пестрое туловище, и четыре крыла отливали слегка различными цветами радуги. В этом была какая-то особая, зловещая красота. Ведь и ядовитые змеи на солнце блестят радужными цветами.

Я стоял перед этим драконом как зачарованный. И жутко было, и страшно, и красиво, и огромно. Если бы такого летучего зверя приручить, как лошадь, какое счастье было бы людям! Можно на него и верхом сесть, можно к нему и корзину подвязать. Сел таким образом, а он взмахнет своими огромными крыльями, и лети, милый друг, по поднебесью! Какое раздолье! И какое неизведанное наслаждение!

Между тем, мой дракон все время оставался неподвижным. Сидит, слегка колышет крыльями и не двигается.

Его спокойный и мирный вид успокоил и мой страх. Я присмотрелся к нему хорошо, и во мне заговорил мой прежний задор и отвага:

— А что, и в самом деле, не попробовать ли приручить этого летуна к езде по воздуху? Я маленький и легкий. Держаться на нем хорошо и удобно. В облака он меня не сможет унести, а в воду он сам боится сесть.

В этот момент мне страшно захотелось летать по воздуху. Я только об этом и думал и совсем забыл о берегу, на который мне необходимо выбраться во что бы то ни стало.

Такая уж у меня натура: что я решил, то мне хочется сделать сейчас же.

И вот я, не медля ни минуты, зашел сзади дракона, ступая по плоской ленте тростникового листа, занес ногу, взмахнул и сел верхом посреди спины, неподалеку от груди. И сразу почувствовал, что сидеть на этой спине, округлой и не жесткой, было удобно и покойно.

Должно быть, мой пегас был очень неповоротлив. Прошло несколько секунд, прежде чем он почувствовал, что на него кто-то сел. Но как только он почувствовал это, взмахнул сразу всеми четырьмя крыльями и плавно взвился над прудом.

Очевидно, он был очень силен или я очень мал. Летел он легко и свободно, как будто на нем не было никакого всадника. Полет у него был слегка ныряющий, то замедленный, то быстрый, как будто скачками, но плавный и спокойный. Беспокоило немножко только скрипение крыльев, потому что изредка одно крыло задевало за другое.

Сначала, как только мы поднялись над прудом, мне стало очень страшно, и я плотно охватил спину дракона и руками и ногами. Но это продолжалось очень короткое время. Сидеть было так хорошо, а полет был такой ровный, что я тотчас отогнал всякие страхи. Было только немножко жутко, но и как-то сладко. Немного кружилась голова и чуть-чуть замирало сердце. Хотелось смеяться, а на глазах выступали радостные слезы.

Наконец-то я свободно плаваю по воздуху! (Рис. 13). Наконец-то я сумел подняться над землей, к которой все мы словно цепями прикованы. Наконец-то я взлетел в высь и могу оттуда любоваться всем, что расстилается у меня под ногами.

А под ногами теперь у меня расстилались все наши окрестности. В две минуты дракон вылетел из пруда, окруженного тополями, поднялся над самым высоким деревом и полетел прямо. Под нами мелькнул пруд, словно зеркало в зеленой раме, мелькнули верхушки деревьев, за ними развернулся как на ладони весь наш сад, с краю его мелькнул наш дом, но возле него я никого не успел заметить. Вдали

Рис. 13. Наконец-то я свободно плаваю по воздуху.

широко раскинулось село, а вдоль него большой блестящей лентой извивалась наша многоводная река. Но выше всех среди этой картины торчала труба большого кирпичного завода. Закоптелая вершина ее сегодня не дымилась обычным черным облаком и казалась еще более мрачной и зловещей.

И эта мрачная каланча темнела на фоне яркого солнечного неба, как огромный голый ствол гигантского дерева. Очевидно, она привлекала к себе моего крылатого коня, потому что тот направился прямехонько к ней. Приближаясь к трубе, он стал подниматься выше и выше, поднялся выше ее вершины, а затем немного спустился вниз и сел как раз на самую верхушку ее.

Верхушка, которая издали и снизу казалась такой маленькой, здесь, вблизи, оказалась настоящей широкой башней. По верхней площадке ее можно было бегать и играть без всякого затруднения. Понятно, что на гладкую вершину ее мой дракон сел как на широкий помост и совсем не заметил окружающей копоты.

Как только кончился наш полет и я почувствовал под ногами твердую опору, я подумал было, что мы очутились на земле, где ни вода, ни ветер не страшны нам. Но это было только на один миг. Я оглянулся кругом и понял, что нахожусь на огромной высоте и притом в самом опасном положении. Здесь было гораздо опаснее, чем на воде, на глазах у всех чудовищ. Там все-таки можно было как-нибудь увернуться от них. А здесь? Что я буду делать здесь, если подует сильный ветер и мне будет трудно удержаться за моего дракона? А может быть, он здесь умрет от усталости после такого тяжелого подъема? А может быть, он летает сюда ночевать, чтобы на такой высоте никто не потревожил его крепкого сна? Что я буду делать здесь ночью среди полной тьмы и в ночном холоде? А вдруг из трубы полетят опять и искры, и копоть, и вся она накалится от жара?

Такие мысли сильно тревожили меня. Но помочь себе здесь я уж никак не мог ничем. Вся надежда была на дра-

кона. Вывезет ли он меня из этой опасности и куда именно вывезет?

А дракон все сидел и сидел совершенно неподвижно. И только легкие покачивания его крыльев показывали, что он не спит и жив по-прежнему. Что-то он думает на такой высоте и куда намечает свой новый полет? Озираться по окрестности ему не было нужды: его огромные глаза занимали почти всю голову и потому видели сразу и вперед и назад, и вверх и вниз, и в обе стороны. Видел ли он вдаль что-нибудь своими чудовищными глазами? И намечал ли он себе отсюда место, куда теперь следует ему направить свой путь?

Меня он как будто не замечал вовсе. Казалось, ему было все равно, сижу я на нем или нет.

Только мне было не все равно. Я отлично понимал, что в нем одном теперь все мое спасение, и потому держался за него как можно крепче. Я боялся, как бы он вдруг не ускользнул из-под меня неожиданным и быстрым движением.

Но он продолжал сидеть совершенно спокойно, а потому и мои тревоги постепенно улеглись. А успокоившись, стал и я осматривать окрестности. Конечно, мне ни разу не приходилось бывать на такой трубе. И я никогда не видел, какая прекрасная панорама открывалась с нее во все стороны. Леса, поля, деревни, изгибы большой реки, овраги и холмы, все это широко расстилалось перед нами и было видно, как на ладони, во всех подробностях.

И пока я смотрел вдаль и любовался отдаленными видами, я чувствовал себя совершенно спокойно и не замечал, где я нахожусь. Но вот я опускал глаза вниз, туда, где под нами виднелась полоса красной железной крыши, и там еще ниже, далеко-далеко, я видел настоящую землю, теперь недоступную для меня. Тогда у меня кружилась голова, и я готов был оборваться и упасть в бездну.

Вблизи завода начиналось большое село и дома его с высоты казались какими-то игрушечными, — слишком они были малы. С краю вдаль я различил и наш дом. При виде его у меня сильно забилося сердце. А когда я увидал, что

на крыльцо вышла женская фигура — очевидно, моя мама, — я забыл все и изо всей силы закричал:

— Мама, мама!

Конечно, никто не мог услышать отсюда мой голос. Только мой дракон, от крика ли, от моего ли движения, взмахнул крыльями и опять полетел.

Опять началось наше воздушное путешествие. Опять мы ныряем и плаваем в волнах тихого и теплого воздуха. Опять у меня сладко замирает сердце и я не знаю, чего мне желать: желать ли, чтоб меня скорее опустили на твердую землю, или желать, чтобы мы держались в воздухе как можно дольше. На землю мне хотелось, потому что на ней безопаснее. Но и летать хотелось, потому что это — такое наслаждение, которого не понять никому, кто сам не летал.

Мы вылетели на поле, спустились ближе к земле, долго неслись над рожью, потом над цветущим лугом, который с высоты казался мне разноцветным ковром. Потом перелетели мы небольшой лесок, причем чуть-чуть не зацепили за макушку самой высокой березы. Наконец, мой дракон повернул опять к селу и спустился к самой воде реки. Над водой он летел так низко, что иногда задевал крыльями за воду. И опять мне стало страшно. Оборваться с дракона над лесом и падать там с десятисаженной высоты казалось не так страшно, как оборваться прямо в воду на середине широкой и быстрой реки.

Но здесь ждало меня еще более сильное испытание. Близ села у нас река раздвоялась и на узком протоке была построена водяная мельница. Проток был перегорожен высокой плотиной, сверху которой вода падала сильным, шумным и пенистым каскадом. Это был настоящий бурный водопад. Внизу под ним вода кружилась и бурлила и всегда была покрыта белой, как молоко, пеной. Прямо в эту-то опасную пучину и понес меня мой дракон, как будто он хотел утопить меня в самом опасном месте, где нет никакого спасения.

Здесь он спустился к одной подпорке, которая подпирала плотину, и сел на нее как ни в чем не бывало. Это было на середине плотины, как раз над самой пучиной и в

самом бурном месте. Даже брызги воды долетали до меня и падали на нас.

Но это бы еще не беда. А беда в том, что сел он на эту подпорку вниз брюхом, ногами уцепился вверх, а брюхо свесил вниз. Я так и повис над пучиной и, чтобы не оборваться с дракона, должен был крепко обнять его тонкое брюхо руками и повиснуть на них. Провисеть так долго я не мог. Руки затекут, оборвутся, и я полечу уже не в высь, а прямо в пенистый водоворот. Вот тут-то напал на меня настоящий ужас, и я оцепенел от него.

На мое великое счастье, дракон не просидел в таком положении и одной минуты. Должно быть, ему самому было неловко или боязно. Он опять вспорхнул, выпрямил брюшко как следует и полетел на берег. Летел он теперь гораздо медленнее, должно быть, очень устал. Было очевидно, что он долго не пролетает. И для меня теперь весь интерес был в том, где он сядет. Теперь он уже не поднимался высоко, а, перепархивая через заборы, летел над огородами. Мне показалось даже, что он направляется опять в ту сторону, где был наш пруд, откуда мы вылетели с ним, и значит — к нашему дому. Сердце мое радостно забилося.

Но как раз в этот момент с моим драконом случилась история, которую понять я мог только позднее. Я видел только, что он летел над грядками с капустой. И вдруг он как-то весь вздрогнул, закачался, перекувырнулся и... и я чувствую, что я упал и где-то лежу на чем-то твердом, никуда уже больше не лечу, и никакого дракона подо мной совсем нет.

Я встал, оправился, ощупал бока, вижу, — целы. Осмотрелся кругом, — стою твердо на большом капустном листе. А невдалеке, близ куста сирени, мой бедный дракон беспомощно трепещется в паутине.

Тут я все понял и расхохотался.

Мой страшный дракон, на котором я совершил такое прекрасное путешествие, был не что иное, как стрекоза. Усталая, она летела тихо и потому не могла с размаха прорвать всю паутину. Часть ее она разорвала, и в этот разрыв провалился я и не запутался. А часть паутины спутала все

четыре крыла стрекозы и она теперь беспомощно барахталась в сетях.

Жалко мне было очень мою избавительницу. Она перенесла меня на сушу и дала мне, во время наших полетов по поднебесью, такие сильные наслаждения, каких мне не придется испытать в течение целой жизни. И я с радостью освободил бы ее из тенет. Но паутина была очень высоко, и достать ее я ничем не мог. А потому принужден был смотреть да ждать, не догадается ли сама стрекоза разорвать своими сильными лапами те нити, которые больше всего связывают ее.

VIII

ПАРУСНЫЕ ЛОДКИ, ИЗЯЩНЫЕ ЯЙЦА И ПРОТИВНЫЕ ЧЕРВИ

Когда я осмотрелся кругом с высоты своего капустного листа, я увидел, к величайшему своему удовольствию, что нахожусь в нашем собственном огороде, в самом заднем конце его. Вдали виднелся наш дом и сквозь кусты сирени я мог различить окно моей собственной спальни, из которого я сегодня вылетел, сидя на шмеле.

Если бы я не был такой маленький, я мог бы закричать, и мой голос долетел бы до мамы. А если бы я побежал сам туда, то через две минуты мог бы вбежать в дом и рассказать бы всем о своих сегодняшних удивительных приключениях. Но я был так мал, что добраться до дома мог только не ранее вечера. Дорога мне была хорошо известна, да и крыша дома отовсюду видна. Поэтому я несколько не боялся заблудиться. И был уверен, что теперь я попаду домой и что никакая опасность мне больше не угрожает.

От этой мысли мне стало так весело, что я запрыгал на своем капустном листе. А напрыгавшись, я стал решать, пуститься ли мне сейчас в путь или заняться еще какими-нибудь новыми наблюдениями.

А для наблюдений здесь так же, как и везде, было много всяких дикушинок. Прежде всего, меня поразили какие-то лодки с белыми парусами, которые плавали в разные стороны над капустой по воздуху. Странно было только видеть, что плавали они не только во все стороны, но и вверх и вниз, чего настоящие лодки никогда не делают. Издали я не мог их рассмотреть хорошенько. Но когда я стал сообщать, что это за плавающие лодки, я скоро догадался, что это — просто капустные бабочки. Никто ведь не летает над капустой так часто, как они.

Над моим листом одиноко склонялась головка красного клевера в полном цвету. Его забыли своевременно выплоть с грядки, и вот теперь он зацвел. Я хотел было уже полакомиться сладким соком его цветов, так как в горле у меня совсем пересохло от многих волнений, и стал подходить к нему. Как вдруг на меня обрушился целый белый шатер. Я уже подумал, не попал ли я в какую-нибудь полотняную палатку. Но увидел, что голубое небо еще видно, и что плотно от палатки трепыхается только с одного края, как раз над головкой клевера.

Но сейчас же такая мысль показалась мне очень смешной, потому что я узнал в этом полотне ту же капустную бабочку, которую я видел издали и принял за парусную лодку. Она спокойно уселась на клевер и, очевидно, так же точно собиралась полакомиться, как думал полакомиться и я сам.

Я стоял рядом и мог хорошо рассмотреть эту бабочку. Огромные широкие крылья ее были покрыты красивыми мелкими продолговатыми чешуйками. Они сплошь покрывали крыло и сверху и снизу, и под этими чешуйками жилки крыла едва были заметны. Раньше я никогда не мог рассмотреть чешуек у бабочки. Теперь же я видел их прекрасно своими маленькими глазами и любовался их тонким строением и нежным видом.

Сколько есть на свете разных бабочек! И у всех их крылья покрыты чешуйками. И мы совсем не видим этих чешуек и не можем любоваться их красотой. Сколько на свете есть красоты, которая совершенно скрыта от наших слабых глаз! Тогда для чего же она существует на свете?

Рассмотрел я теперь хорошо и хоботок бабочки. Он свернут у нее кольцом в несколько оборотов, словно часовая пружина, и спрятан под шеей. Но как только она села на клевер, она развернула это кольцо и хоботок оказался длинный-предлинный, гораздо длиннее, чем язык у шмеля. Этот хоботок она то запускала в трубочку цветка, то вынимала оттуда. Из одного цветка она вынимала тотчас же, а в другом держала очень долго и вынимала только спустя некоторое время. Очевидно, в одном цветке было уже вы-

сосано раньше и ничего не оставалось, в другом же был сладкий сок и его долго высасывала своим хоботком моя бабочка. Этот хоботок был словно соломинка, в которую и мы можем сосать вино либо воду. Гибкий, тонкий и длинный хоботок был очень удобен для всех больших и длинных цветов, у которых сладкий сок скрыт на большой глубине внутри цветка.

Насытившись, бабочка тотчас же порхнула ко мне на лист и села неподвижно. Сидит, только усиками шевелит. А усики у ней длинные, прямые, точно палки, оканчиваются набалдашником и торчат вверх.

Вдруг, я вижу, задний конец ее брюшка как-то опускается на сам лист и словно прилипает к нему. Я стал следить внимательнее и, наконец, понял. Я увидел, что каждый раз, как бабочка прикладывает брюшко к листу, из конца его выходит длинное темное яичко с желтым концом. Яичко это липкое и тотчас приклеивается к листу капусты и к соседнему яичку. Бабочка клала их вплотную друг к другу и я насчитал, что она положила 23 яйца.

Я никогда ранее не видывал, как несут яйца. И потому с удвоенным интересом следил за этим делом. Бабочка сидела спокойно, а время от времени, в разные сроки, из отверстия в заднем конце ее брюшка показывался круглый продолговатый предмет, похожий на ружейный патрон, медленно выползал оттуда и медленно укладывался на свое место, как раз вплотную к прежним яйцам, ничуть не дальше, ничуть не ближе. Словно бабочка измеряет расстояние каким-то прибором и точно знает место, куда нужно положить следующее яйцо. Долго продолжалась у бабочки эта диковинная ее работа. (Рис. 14).

Отложивши все 23 яйца, бабочка порхнула и, покачиваясь на своих тяжелых чешуйчатых крыльях, полетела дальше. Когда она исчезла, я увидел, что все яйца уложены в одну тесную кучку. И все, как одно, торчали вверх своими желтыми концами. Вся же кучка была похожа на маленький сот. Она была так изящна, что я залюбовался ею.

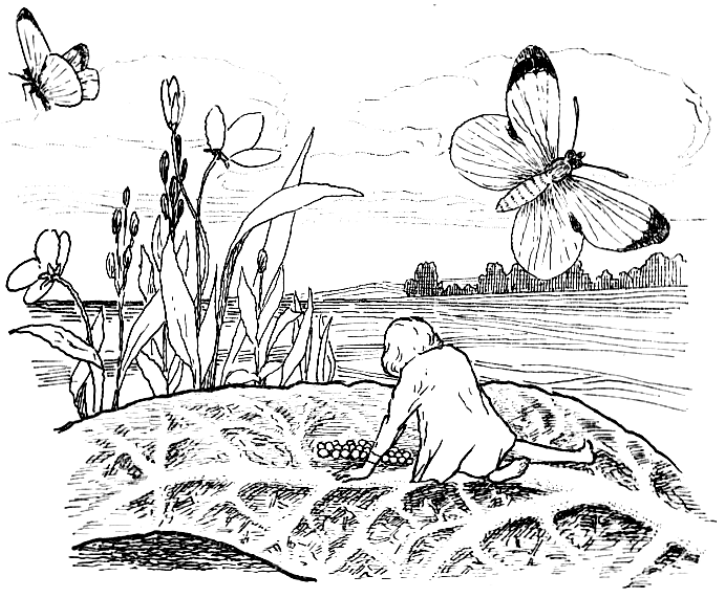

Рис. 14. Капустные бабочки.

Налюбовавшись, я увидел в конце того же листа, на котором я сидел, еще такую же точно кучку. Очевидно, она была положена здесь другой бабочкой раньше. Я подошел к ней поближе, чтобы увидеть, похожи ли те яйца на новые, которые клались при мне, и ахнул от удивления.

Из двух яичек сразу торчали черные головки червячка, и оба червячка шевелились внутри яйца, а потом стали медленно выползать из него. Несколько крайних яиц были уже пусты. Оставалась от них одна оболочка, а червячки уже вышли и уползли.

Когда я взглянул на самый край листа, я увидел, что эти червячки уже сидели там и ели. Они были так мелки, что я не мог рассмотреть, как они едят. И только кусок съеденного листа показывал, что они уже начали истреблять капусту.

Все мы в деревне знали, какое опустошение наносят эти червяки капустным грядкам. И все также знали их пеструю с желтым длинную мясистую фигуру. Но я никогда

не видывал, как они рождаются из яиц, снесенных капустной бабочкой. И мне никогда раньше не приходило в голову, что если передавить все яйца, то не будет ни одного червячка и вся капуста будет цела.

Теперь мне хотелось только рассмотреть хорошенько взрослых червей и посмотреть, как это они едят капусту.

Искать здесь капустных червей долго не пришлось. Я увидал, что соседний моему лист капусты был сильно обгрызен. Хотя самих червей мне было не видно, но я догадывался, что они есть на том листе, который изъеден.

Я спустился вниз, перебрался там на соседний лист, влез на него и, когда вышел на самую верхушку, то увидал по краям листа трех больших гусениц. Они сидели на изъеденных листах и непрерывно ели.

Я подошел поближе к одной из них, самой большой по росту, и стал наблюдать. У нее было впереди три пары ног на груди и четыре пары сзади, на брюшке. Помещалась она как раз на ребре листа, охвативши этот лист всеми четырнадцатью лапами. Выходило, что она сидела на ребре листа верхом, точно на хребте лошади, и так крепко держалась за лист всеми лапами, что оторвать ее от листа было очень трудно. Я попробовал было оторвать ее и сильно толкал в один бок обеими руками. Но сдвинуть ее с места мне не удалось ничуть.

На голове у нее был жесткий, точно косточка, щиток, два маленьких глаза и довольно большой рот, который она постоянно набивала зеленью. Две сильных зубчатых челюсти непрерывно работали, — отрывали свежие куски листа и жевали. Только жевали они не сверху вниз, а сбоку вбок, как у кузнечика и как вообще у всех насекомых. Рот был постоянно наполнен зеленью. Было похоже, как будто я смотрю на корову, которая пасется на сочном травянистом лугу и с голода поминутно набивает себе травой полный рот.

Я стоял возле гусеницы больше получаса. Она ела все это время не переставая, и я не могу сказать, перестает ли она есть когда-нибудь или с утра до вечера только и делает, что ест. За это время она выгрызла уже большой участок

листа. И я спрашивал себя: при такой прожорливости не съедят ли эти три гусеницы целого капустного листа? Ведь растут они не один день, а несколько и, значит, едят непрерывно несколько дней подряд.

Очевидно, что если из 23 яиц, отложенных бабочкой, выйдет 23 гусеницы, то они за свою непродолжительную жизнь съедят целиком кочан капусты. А если из этих 23 гусениц выйдут новые 23 бабочки и каждая из них отложит опять по 23 яйца, то вышедшие вновь гусеницы съедят целиком уже 23 кочана капусты. Это ясно всякому ребенку. И потому понятно, как губительны для людей были бы бабочки-капустницы, если бы их никто не истреблял.

У меня не хватило терпения ждать долее, когда моя гусеница кончит есть и сделает хоть маленький отдых. И я перестал наблюдать за ней. На этот лист, на котором я теперь стоял, спускалась ветка сирени. Может быть, ветер пригнул ее сюда, а может быть, она была сломана. Я стал искать, не сломана ли она где-нибудь. И вдруг заметил, что на ее стебле, под одним листом, уцепившись всеми лапами, спокойно сидит такая же гусеница-капустница, самая толстая из всех, каких я видел.

Меня заинтересовало, зачем она сидит на сирени, которой есть она не может, и я стал следить за ней. Вдруг я вижу, она как-то странно начинает ежиться, на голове и на спине у нее лопается шкурка и из нее вылезает новая гусеница. Очевидно, гусеница линяет, подумал я, так как уже видывал эту линьку сегодня. Но новая гусеница, как только выползла из старой шкурки, полезла еще выше, зацепилась там под листом задней частью и слегка повисла на толстой и короткой паутинной нити. Тут уж я не заметил, как это случилось. Только тонкая и нежная кожа гусеницы начала изменяться, тело стало сокращаться и утолщаться, приняло бочковидную форму, нежная пленочка вокруг него стала отливать матовым золотистым блеском, и у меня на глазах произошло настоящее превращение гусеницы в куколку.

Такую золотистую куколку, подвешенную на нити в разных укромных уголках, я видал и раньше. Только не знал,

кому она принадлежит и что из нее выйдет. А вот теперь мне выпало счастье видеть собственными глазами и само превращение.

Я читывал, что для бабочки это — самое обыкновенное дело. И каждая бабочка неизбежно переживает раз в своей жизни это превращение. А все-таки оно кажется мне каким-то чудесным явлением. И я совсем не могу понять, каким образом невзрачный и часто противный червячок превращается в затейливую, иногда очень изящную куколку.

А эта куколка повисит-повисит неподвижно несколько недель, и вдруг, в одно прекрасное мгновение, оболочка ее лопается и из нее спокойно вылезает на свет совершенно новое создание. Это создание — крылатая, иногда очень красивая бабочка, которая совершенно не похожа на ползавшего противного и прожорливого червяка.

IX

Я НАПРАВЛЯЮСЬ К ДОМУ. НЕ ТО БОМБА, НЕ ТО ЧЕРЕПАХА

Когда я смотрел, с каким аппетитом гусеница пожирает капусту, у меня проснулся сильный голод. Я вспомнил, что сегодня у меня ни крошки не было во рту и мне страшно захотелось есть. Нужно было поспешить для этого домой. Но как я поспешу? Сколько-то времени понадобится теперь мне, чтобы дойти туда своими крошечными ногами? Идти среди зарослей капусты было очень трудно. А потому я постарался сначала выбраться на ровную садовую дорожку, которая проходила вблизи капустника за кустами сирени.

Нелегко мне было это сделать. Но, выбравшись на эту дорожку, усыпанную песком, я пустился бежать к дому со всех ног. Но как я ни старался ускорить свой бег, я ушел очень недалеко. Бежал я без отдыха минут десять, весь покрылся потом, а пробежал едва ли пять аршин пути. Ноги мои тонули в песке, я задевал за более крупные песчинки, спотыкался на них, часто обрывался и падал. А потому продвигался так медленно, точно топтался на одном месте, а не спешил изо всех сил.

Так ли я, бывало, бегал, когда был большой! Да, скверно быть маленьким и передвигаться только на собственных ногах! Как бы хорошо было полететь опять на стрекозе либо на шмеле! Только бы научиться надевать на них узду и направлять их путь туда, куда нам надо.

Я перевел дух и пошел далее медленными шагами. Но зато следующие пять аршин я шел вдвое дольше.

Так шел я несколько часов до конца дорожки, то отдыхая, то озираясь по сторонам. Одна мысль только пугала меня больше всего: что, если по этой дорожке пойдет кто-нибудь из взрослых людей и я не успею вовремя свернуть в сторону? Наступит он тогда на меня своим огромным сапо-

гом, и конец! Летал по поднебесью и нигде не пострадал, а тут меня раздавят среди чистой дорожки в двух шагах от самого дома! К моему счастью, никто здесь не проходил, и я помаленьку достиг конца сада без всяких приключений.

Здесь мне было ближе пролезть прямо через забор и выйти открытый двор. Это я сделал очень легко, потому что все щели забора были для меня все равно, что широкие ворота.

Но едва только я вылез на широкий простор нашего двора, как меня встретил неожиданный сюрприз. Мимо меня пролетела со страшным жужжаньем огромная бомба. Летела она так близко от меня, что я почувствовал на лбу веяние воздуха от ее полета. Невольно я присел от страха и долго не мог понять, что бы это значило.

Бомба прожужжала мимо и ударилась где-то в землю влево от меня. Я пошел в этом направлении разыскивать ее и попал в узкую и глубокую колею, которая образовалась от колеса телеги, проехавшей здесь один раз. Путь по этой колее был гладкий и потому я пошел по ней, как по широкому желобу. Но вдруг, в самом глубоком месте ее, словно в ущелье, я вижу, дорога моя заграждена и во всю ширину ее копошится какое-то страшное черное чудище. Общий вид его походил на огромную слоновую черепаху, какую я видывал на рисунке. Черный и блестящий корпус этой черепахи, овальный, словно опрокинутый котел, отливал стальным блеском, а из-под него торчали шесть больших шиповатых ног. Голова была украшена двумя толстыми усами, на концах которых, вроде султана, укреплено было по одной огромной гребенке. Чудовище копошилось на дне ущелья, из которого ему хотелось выбраться, но никак не удавалось. Оно было очень неуклюже и очень неповоротливо в своей толстой и блестящей броне.

Я остановился, потому что проход мне был загорожен, и невольно стал наблюдать. Чудовище хотело вылезть наверх, цеплялось за отвесные стенки ущелья, поднималось на некоторую высоту и затем обрывалось на дно. На лапах у него были огромные, острые, крючковатые когти, но они,

должно быть, не выдерживали тяжести массивного корпуса и срывались.

Но чудовище упорно лезло на стену вновь и вновь обрывалось. Наконец, в третий раз оно оборвалось снова, но упало так неудачно, что перевернулось вверх брюхом. А перевернувшись, оно долго и беспомощно барахталось всеми шестью лапами. Дно ущелья было очень гладкое. Спина чудовища тоже глянцевитая. И вот оно лежит, скользит и вертится, болтает ногами, но перевернуться опять на брюхо и стать на ноги никак не может. Огромный, страшный зверь, но такой неуклюжий и беспомощный, как ребенок.

От напрасных усилий перевернуться и стать на ноги он скоро утомился, ослабел и даже перестал шевелить лапами. Тогда я подошел к нему вплотную, наклонился, подлез под его гладкий бок, уперся ногами в землю и выпрямился. (Рис. 15). Таким образом я подковырнул его и опрокинул на другой бок. А далее уж он сам уцепился ногами за землю и окончательно перевернулся.

А ставши на ноги, он, как ни в чем не бывало, пошел вперед по узкой колее, а я за ним. Наверное, он совсем не понимал, какую услугу оказал я ему. Скоро нам пересекла дорогу широкая и горбатая доска. Мы взошли на нее и, сначала он, потом я, вышли из ущелья на открытое место.

Здесь мой спутник огляделся, как будто отыскивая дорогу, и затем торопливо направился прямо к забору. Мне захотелось посмотреть, где он живет, и я последовал за ним. Здесь он дошел до какой-то кучи, начал поспешно рыться в ней, закопался в нее весь и скоро совсем скрылся внутри нее.

Сначала я думал, что это его гнездо, но когда присмотрелся ближе, то увидел, что это просто куча подсохшего коровьего помета. Последовать за моим зверем в такое жилище я не решился, а когда отошел от него на несколько шагов, то неожиданно увидел другую такую же слоновую черепаху. Но эта была занята делом, и дело ее сначала показалось мне необыкновенно забавным: она катала по земле крупный шарик темно-зеленого цвета. Сначала я думал, что она просто забавляется. Но она делала это так стара-

Рис. 15. Я подполз под его гладкий бок, уперся ногами в землю и выпрямился.

тельно и с таким серьезным видом, что я начал думать иначе. Когда я присмотрелся ближе к ее шарiku, то увидел, что он целиком состоит из того же самого помета, мимо которого я только что прошел.

И тут я сразу все понял:

— Да это просто навозные жуки! Один залез в целую кучу, потому что любит копаться в ней. А другой катает шарик из навоза и, наверное, закатывает в него только что снесенные свои яйца.

Скоро он, очевидно, кончил свою работу, прикатил шарик почти к самому забору и бросил его здесь в одном небольшом углублении. А сам вернулся назад, отправился к той же куче помета и закопался в нее. Я же подошел к шарiku, выкатил его палочкой на ровное место и острым концом палочки стал раскатывать его. Как раз в самой середине шарика я нашел два белых овальных яичка довольно крупного размера. Одно я раздавил и нашел, что оно состоит из такой же оболочки и такой же жидкой массы, как и яйцо кузнечика. А другое я опять закатал в шарик, положил на то же место и решил прийти сюда через несколько дней, чтобы узнать, что из него выйдет.

Я ДОМА И ВСЕ ОБЪЯСНЯЕТСЯ

Теперь я поспешил прямо домой, потому что голод мучил меня больше и больше, и я едва держался на ногах от усталости. Но, подходя к крыльцу, я сообразил, что попасть в дом мне теперь не так-то легко. Я видел, что окно моей комнаты было открыто. И хотя оно было на два аршина от земли, но влезть в него я никак не мог. Подняться на крыльцо я был также не в силах, потому что крыльцо было сделано совсем не для моего роста. И даже влезть на одну первую ступеньку мне теперь было так же трудно, как прежде было влезть на крышу дома.

И я не знаю, как бы мне удалось выйти из моего затруднения, если бы мне не помог и здесь счастливый случай.

У самого крыльца лежал и грелся на солнце наш кот Васька. Ну, думаю, если я ездил сегодня на стрекозе и на шмеле, то на Ваське-то будет спокойнее всего. Ведь не занесет же он меня на крышу!

Не медля ни минуты, я влез к нему на бок. Он почувствовал, вероятно, что на него лезет что-то вроде жука и перередернул всей шкуркой. Я же еще крепче вцепился ему в шерсть. Очевидно, это ему не понравилось, он вскочил на ноги и попробовал стряхнуть меня. Но я вовсе не хотел этого, в потону передвинулся на самый хребет и вцепился там еще крепче. Это чуть не взбесило кота: он забавно подпрыгнул на месте несколько раз, затем вскочил на стену, и не успел я глазом моргнуть, как Васька был уже в окне моей комнаты. Оттуда он в два прыжка очутился на моей кровати, где часто спал со мной, и здесь начал кататься на постели кувырком.

Конечно, он мог придавить меня своим телом. Но теперь мне было это совсем не страшно. На своей постели я чувствовал себя как дома, и потому в тот же миг спрыгнул с кота, вбежал на подушку и лег на нее. Васька, освободив-

шись от меня, тоже успокоился и улегся в кровати как ни в чем не бывало.

Я заметил, что моя кровать оставалась неубранной в том же самом виде, в каком я покинул ее сегодня утром. В доме было тихо. Но, прислушавшись, я стал различать голоса в соседней комнате. Из них я понял, что меня искали по всему дому, в саду и в огороде, расспрашивали всех встречающих, не видал ли кто меня. И, наконец, не найдя меня нигде, все были в отчаянии и с горя потеряли голову. Мать горько плакала, а отец сквозь слезы утешал ее. Мне стало очень горько при мысли, что я наделал столько тревог, и я закричал во всю мочь:

— Мама, мама! Я здесь!

Кричал я так громко, что от крика проснулся.

Проснулся, и вижу, что я, как всегда, лежу в своей кровати, укрывшись одеялом, кот Васька, действительно, лежит у моих ног, свернувшись калачиком. Окно, как всегда, было закрыто и в него светит яркое утреннее солнце.

Я ощупал себя и нашел все члены такими же, как всегда. Голова моя покоилась на подушке, и рост мой был прежний, т. е. около полутора аршин.

Значит, все это был только сон!

Значит, никуда я не выходил из комнаты, маленьким не был я и ни на ком не летал.

Очухавшись хорошенько, я вскочил с кровати и со всех ног побежал к маме.

— Мама, слушай-ка, — закричал я, — какие я видел чудесные сны!

Она уже встала и приготавливала утренний чай.

— Ну, — говорит, — я слушаю. Рассказывай.

И я начал рассказывать с самого начала все, что здесь описано. Мама сначала слушала невнимательно, а потом стала слушать все с большим и большим интересом и, наконец, перебила меня на полслове и говорит:

— Костя, да ведь все это просто прелесть! Ведь все это про насекомых, действительно, так и есть! Откуда ты так хорошо запомнил все эти подробности?

Она забыла, что сама еще в прошлом году не раз передавала мне много рассказов о насекомых, а я жадно слушал их всегда, затаивши дыхание.

Теперь мой рассказ показался ей таким хорошим, что она в тот же день вечером усадила меня за письмо и велела все это изложить на бумаге.

Много вечеров понадобилось мне, чтобы описать все и ничего не пропустить. Но, наконец, я кончил свой рассказ. И вот он тут весь целиком перед вами! Я буду страшно рад, если он и вам покажется таким же интересным, каким он показался моей маме.

Она перечитала его снова и сказала, что мой сон ошибся только насчет жука-навозника. А именно. Те жуки, которые делают из навоза шарик и закатывают в него яйца, живут не у нас, а на юге, в теплых странах. Наши же русские навозники питаются навозом и навозом же выкармливают своих личинок, но для этого они поступают иначе. Они выкапывают в земле нору, кладут в нее яйцо и набивают туда навоз. Личинка рождается и тут же находит себе готовую пищу.

Но и те, и другие навозники кладут за раз только по одному яйцу, а не по два, чтобы родившиеся личинки не отнимали корма друг у друга.

Об авторе

Михаил Васильевич Новорусский (1861-1925) — выходец из бедной многодетной семьи сельского псаломщика, выпускник Новгородской духовной семинарии и Петербургской духовной академии. Во второй половине 1880-х гг. примкнул к А. Ульянову и другим народолюбцам, участвовал в подготовке покушения на Александра III (предоставил квартиру для изготовления динамита). В 1887 г. был арестован, приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, затем был помещен в одиночку Шлиссельбургской крепости, где провел более 18 лет.

После освобождения в конце 1905 г. работал в Высшей вольной школе в Петербурге, заведовал Подвижным музеем Русского технического общества, читал лекции в Лиговском народном доме. Сотрудничал в многочисленных периодических и энциклопедических изданиях, где опубликовал множество популяризаторских статей. После февральской революции 1917 г. был назначен директором Сельскохозяйственного музея, где проработал до конца жизни. При советской власти продолжал публиковать научно-популярные брошюры, мемуарные очерки. Известен кн. «Основы современного мировоззрения» (1910), «Записки шлиссельбуржца. 1887-1905» (1920, 1933), «Тюремные Робинзоны» (1926, 1928) и др.

Книга «Приключения мальчика меньше пальчика» публикуется по первому изданию: *Новорусский М. В.* Приключения мальчика меньше пальчика: Из жизни насекомых. СПб.: Жизнь и знание, 1911. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. В тексте и подписях к иллюстрациям исправлен сбой в нумерации, допущенный в оригинальном издании.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.